ЧЫРВОНЫ ШЛЯХ

№ 5—6.

Воскресенье, 13 октября 1918 г.

ПЕТРОГРАД.

Цена №
2 РУБ.
на стан. ж. д. и в пров. 2 р. 30 к.

Адрес редакции: **ПТГР., Театральная, 1—3.**

Журнал посвящен политической, общественной и литературной жизни белоруссов.
Выходит не менее 2-х раз в месяц.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

1 год	— 20 руб.
6 мес.	— 10 »
3 »	— 5 »
1 »	— 2 »

СОДЕРЖАНИЕ:

Со всех сторон и отовсюду.—**Алек. де-Вазиллини.** В России и с Россией.—**И. Верхолесский.** Белоруссы, называйтесь своим именем.—**Клим Злобич.** Освобождаемая Белоруссия.—**И. Верхолесский.** Первая конференция Белорусских Советских партий и организаций. — **Правдолюб.** Белоруссия и Белоруссы.—**Д. Соболевский.** Цифровые данные сельско-хозяйственной культуры в Белоруссии.—**Статистик.** Будучына Вільні.—**Павал Любецкі.** Факты и впечатления.—**Ив. Б—ич.** В Зарубежной Белоруссии.—Галлерея Белорусских поэтов, писателей и ученых. Рабочие и крестьяне Белоруссии! Без буржуазии.—**Белорусс-коммунист.** Мае думкі.—**І. Лагун.** Резолюция рабочих Путиловского завода. Нізалежнасьць Беларусі і цэнтральныя дзяржавы. Апэтыты Літоускае Тарыбы. У імя зьвязку народау. Разные сообщения. Алесь Гарун. Матчын Дар.—**Павал Любецкі.** Руска-Беларускі Слоунік.—**А—ч.** Устав Бѣлорусского Вольно-Экономического Общества в Петрограде. К белорусским деятелям и деятелям из Белоруссии. Новости Белорусской Литературы. Вавила Груз.—**Ив. Баранкевич.** Об'явления.

Отдел общественной и политической жизни.

СО ВСЕХ СТОРОН И ОТОВСЮДУ.

Одновременно с запутыванием общемирового политического клубка идет бешеная вакханалия национальныхъ хитросплетений. Как никогда на протяжении мировой истории, именно, теперь с очевидной рельефностью пред лицом всего мира, встал вопрос об определении границ больших и малых, старых и новых государств по этнографическому признаку. Особенно же настойчиво он выплыл, благодаря нынешней войне, в Европе, которой, как видно, суждено перекроить свою карту. Еще далеко от полной и конечной ликвидации современной войны, а уже во всех уголках восточной и западной Европы идут шумливые толки об образовании молодых самостоятельных государств из отдельных племен. И не только разговоры, но и... реализация этих толков. Так, вопрос с Польшей, Украиной, Литвой и некоторыми другими уже больше чем предрешен. И что страшней всего, так это поведение самих рождаемых из «пекла» вассальных и самостийных держав. Эти не во время рождаемые, недоношенные и незаконно произведенные на свет Божий политические организмы, с первых дней своего появления на видимом горизонте начинают день ото дня заигрываться, как говорится, не по возрасту и не по положению. Сразу, как большие, эти исторические младенцы начинают играть в непозволительную с общечеловеческой точки зрения игру—«империализм». Понятно, это ремесло «захватничества» весьма занимательно и даже приятно-полезно для империалистических акул, старых государств, которые ищут простора для своих ненасытных капиталистических утроб. Но непонятна губительная игра незаконнорожденных завистливых детей—Украины, Польши и Литвы.

Еще не успели, как следует, быть окрещенными, как уже со своими именами, и только с именами, вступают чуть-ли не в открытый бой с еще не выступившей на свою дорогу другой молодой силой, имеющей законное право во время выступить. На-спех самоопределяясь, они тут же начинают разыгрывать из себя воинственных держав, забывая, что не всякие шалости проходят безнаказанно. Милостью событий и хитростью главного виновника их—Украина, Польша и Литва с разных сторон и отовсюду день за днем наседают на молчаливую свою соседку—Белоруссию. В этом с первого взгляда ничего нет страшного, поиграют да и перестанут, но в настоящее время игра эта весьма опасна, как для играющих, так и для того, с кем заигрывают. Не время и не место.

В угаре мирового пожара такая игра может кончиться не только спутыванием карт, по которым должны естественно определиться национальные взаимоотношения, но гораздо страшнее, могут на долго и совсем затеряться эти карты. Ведь то, что сейчас происходит на всем земном шаре, бывает в тысячелетие один, быть может, раз. А эта мировая катастрофа должна будет закончиться много-

значительным актом и скорее всего на довольно продолжительное время для всех народов и племен. Отсюда ясно вытекает положение: быстролетные самоопределения сбившихся с толку отдельных племен, пренебрегающие основной и здоровый принцип—«этнографию», дадут возможность старым, заматерелым, империалистическим государствам, политическим механизмам, воспользоваться национальным хитросплетением, чтобы опять, как и раньше, восстановить территориальные естественные границы, от моря до моря, от реки до реки, от горы до горы. По крайней мере это возможно в отношении славянских народов. И тогда вновь настанут времена, где порабощенные национальности будут только средством, удобряющим почву для звериного государственного могущества крупных политических единиц. Современная национальная борьба по своему характеру ведет к этому. Нельзя не заметить, что украинские, польские, литовские и даже, как ни странно, белорусские вожаки национальных движений только прикрываются розовым идеализмом, по существу же они отлично понимают, что этой кукольной комедией империалистических самоопределений должны будут воспользоваться в конце концов только исторически сравнительно выше культурные классы всех народов, а следовательно имущие, так как капитал весьма интернационален и даст возможность вне всякой национальной политики установить только выгодные границы для торгово-коммерческих сношений больших государств. Не станем здесь искать причин этому видимому фактору, а посмотрим, что делается сейчас вокруг нас.

Украина, под мировой шум отколовшись от своего старого и родного места—России, как голодный волк набросилась на свое право «самоопределяться». И сравнительно за небольшой период времени, еще нет и двух лет, в этой области, проделала уже много экивоков. Начиная жидким, сентиментальным социалистическим самоопределением «самостийников», романтика Винниченко, она постепенно докатилась до своей Скоропадщины. И теперь, крикливо преобразовавшись в «гетманию», день за днем катится по пути прожорливого империализма. Полицейски искусственно, предательски в отношении самого украинского народа, заручившись штыковой поддержкой одной из наиимпериалистических держав всего мира—Германии, Украина, в лице своих современных вожаков и главарей из буржуазной среды—Скоропадских, делает преступное дело. Украинские Скоропадские, чуждые всякой украинской самобытности, силятся расширить землю своего владычества. И, понятно, рвут и тянут в свое буржуное, хотя бы и временное, логово откуда можно. А этим «можно» в настоящее время является наша страдалица Белоруссия. Можно смело сказать, что подлинному украинскому народу совсем теперь не до того, где будет насаждаться «родная мова», не только в Белоруссии, но хоть и в Китае. Зато белорусскому народу далеко не безразлично, где будет восстанавливаться Скоропадщина. Не говоря уже про то, что под игом немецких Скоропадских нет и тени свободы, и что каждый час жизни под ведением и блюстительством гетманских чиновников рабству подобен, но и в дальнейшем гетманская авантюра весет ужасные перспективы.

Расширяя свою самостийную «державу», помимо всяких национальных признаков, помимо всякой воли народа, Скоропадские слишком хитро смешивают карты необходимой возможности естественно самоопределиться на дружеских началах родственным и соседним народам. Пользуясь купленным народной кровью германским покровительством, украинские заправилы сегодняшнего дня наседают во имя своего карманного благополучия на Белорусский народ. Именно, нападают. Белоруссию пока некому защищать, пока нет у нея реальной силы, чтобы не только дипломатическими переговорами мирных делегаций, но штыком сказать: весь Гомельский уезд, четыре уезда Черниговской, два Орловской, большая часть Минской губрнии ничего общего с самостийной Украиной ни имеют. Никаких национальных признаков вы не найдете в народе этих исконно белорусских мест, по которым бы могли обобщать даже временно судьбу разных племен.

Но искусственно сфабрикованная «Скоропадия» не унимается. Ей нет никакого дела до исторических законов; она не признает никакой «этнографии»; так хочет ясновельможный пан гетман, а может быть так выгодно тому, кто посадил на трон Скоропадского. Сейчас идет процесс грабительских самоопределений, и Белоруссия, как один из молчаливых народов, со всех сторон. Украина рвет себе, что можно, и спешит, пока не поздно, с другой стороны королевская Польша, с третьей — крошечная Литва и та с германской короной недвусмысленно протягивает свои кровавые руки. Конечно, виной всему немецкая политика, но больше всего виновен шовинистический национализм племенной буржуазии, построенный на корыстных началах.

В то время, как Украина торгуется с мирной русской делегацией, для приличия, конечно, относительно границ с Белоруссией, в это время польские графы и князья лакейски хлопочут в прихожей германского канцлера и напевают: Вильна, Могилев, Минск наши вотчинные владения, благословите причислить к ним белый орел. А параллельно с этим польские иезуиты, ослепленные католицизмом, ведут работу, знакомую старую работу ополячивания обездоленных историей белорусских масс. И когда канцлеру Германии с историческими данными в руках доказывают, что Вильна совсем не польская, он удивленно заявляет: вот видите, как делаются государства? Канцлер удивляется, а работа преступная идет,—Польша наседает пока дипломатией и иезуитством на Белоруссию и готовится, можно предпологать, в скором времени наброситься на терпеливый белорусский народ с оружием в руках. Польша покушается и на Литву, а в свою очередь литовские шовинисты силятся грабить Белоруссию. Белоруссия же молчит. Для моды образовала в себе три рады—Минскую, Виленскую и Гродненскую—и ломает белорусские копья больше в борьбе между собой, чем во имя отстаивания исторических прав белорусского народа.

Белоруссию грабят и этим запутывают еще больше клубок национальных хитросплетений. Проснись, белорусский народ, и докажи свое право. Прочь отгони от себя заблудившихся в национальном ослеплении соседей и докажи им, что самоопределение возможно, и не самостийное, только по этнографическому признаку и согласно выявлению самого народа.

Белоруссию грабят,—народ, защищайся!

Защищайся не от соседних народов, не от пролетариата Польши, Украины, Литвы, а от их буржуазии! Угнетенным же и оскорбленным всех стран, Народ Белорусский, подавай братскую руку!

Алек де-Вазиллини.

В РОССИИ И С РОССИЕЙ.

(Мысли полешука).

Ужасная война, свержение ненавистного царизма, великая русская революция, оккупация западных окраин ненавистным врагом, заключение несчастного Брестского мира, появление «Украинского государства» и образование Белорусской республики во главе с новоявленным «белоруссом» паном Романо Скирмунтом, предки которого ходили на Москву с войсками Станислава Жолкевского в смутное время...

Вот что произошло с тех пор, как я в последний раз (накануне войны) посетил свой родной полесский Дывин.

«Старый дом, старый друг, посетил я.
Наконец, в запустеньи тебя,
И былое опять воскресил я,
И печально смотрел на тебя».

Теперь там пустое место (местечко сожжено австрийцами), без всякого основания попавшее в состав Украины.

И сейчас, на мой взгляд, Белоруссия уподобилась чичиковскому Селифану:

— Ей нужно держаться прямехонькой дороги, одного исстари предуказанного шляха, а она сворачивает в стороны и попадает в пренеприятное положение: то, подобно гоголевскому герою, забредет к глупой Коробочке, то врежется в самую средину панского поезда.

Натурально, нужен выход из этого положения, и чем скорее он будет найден, тем будет лучше. Белоруссия, во всем своем целом, должна следовать или своей прямой дорогой, или же окончательно

свернуть на тот путь, куда ее толкают Скирмунты и Оброншальские, а за их спиною—Войниловичи, Друцко-Любецкие и Радзивиллы.

Я говорю:

— Белоруссия в дальнейшем своем существовании должна идти прямой своей дорогой. Своим шляхом.

Какая же это дорога, какой это шлях?

Пять-шесть лет назад на этот вопрос ответил бы любой школьник.

Тогда всякий понимал, что такое Белоруссия, с кем она связана и куда ведет ее исторический путь.

И если бы тогда спросили хотя бы полесского мужика, желает ли он жить в вечном тесном союзе с панами или с «хохлами», он ответил бы словами Селифана:

«С человеком хорошим мы всегда свои други, тонкие приятели: выпить ли чаю, или закусить—с охотою, коли хороший человек».

А предложили бы ему отделиться от России и подпасть либо под власть Польши с королем и панским сеймом, либо под «державную» руку украинского «ясновельможного» пана гетмана, что ему и в голову никогда не приходило, он снял бы шапку, перекрестился и непременно сказал бы:

— С нами крестная сила! Кажется, я—русский и в своем уме, а надо мною потешаются. Не дождетесь, лихие люди, сбить меня с пути истинного. Ищите дураков в другом месте, а я отлично знаю и своих врагов, и своих родичей—друзей. Русские—мои братья, Россия—моя мать, она нас породила и с нею мы будем помирать.

В воинском присутствии спросили моего забритого сверстника:

—«Ты—белорусс?»

И он выпалил:

— Якый же я белый русс, колы я черный и православный христианин?

Все поняли, что мужик не знает слова «белорусс». С юных лет он — «тутошный», а с момента появления в школе—«русский». Такой же русский, как и все русские.

И Белоруссия в его представлении—это его деревня, его уездный или губернский город, а Россия—это его родина.

И никакой разницы между Великороссией и Белоруссией он не находит.

Я как-то спросил наших мужиков, строивших мост на Волге у Ярославля:

— Небось, ярославцы не вам чета. Они и одеваются чище, и говорят лучше, да и умнее нас?

— Какое там. Такие же мужики, как и мы. Разговор только другой, но понятный. Мы сразу поняли их, а они—нас.

А вот в тот именно момент (в 1905 году), когда группа виленских интеллигентов-сепаратистов впервые бросила в народные массы:

— «Что нам воды Москвы-реки, когда у нас бурлит и клокочет красавица Вилия...»

Полесские мужики, белоруссы из белоруссов, только и мечтали о том, как бы когда-нибудь хоть мельком взглянуть на Белокаменную и хлебнуть водицы из этой самой Москвы-реки.

Знакомый корчмар дал мне петербургскую газету «Слово», в которой подробно описывалось московское восстание. Прочитал группе мужиков. Внимательно слушал Кирилло Свидунович, да и говорит:

— Ты сказываешь, они борются за землю и волю. Дал бы то Бог, чтобы им удалось скрутить этих проклятых панов, авось, действительно, прибавили бы земли. Ты только посуди, что у нас делается: у помещика, да еще и нерусского, больше 1000 десятин пахоти, десятин 500 сенокоса, десятин 800—900 леса и около 300 десятин выгона, а у нас на целое местечко не наберется и половины всей удобной земли. Мы со всех сторон окружены помещичьей землею и не можем шагу ступить, чтобы не выйти на его владение. Просили, умоляли уступить нам хоть выгон, а его управляющий и разговаривать не желает. Какая скотина есть, да и той негде попасти. Беда, да и все.

Следовательно, от России ждали белоруссы земли и воли, ибо в России и с Россией жили.

Теперь Белоруссия получила и долгожданную землю, и волю, но как раз именно теперь говорят ей:

— Россия—одно, а ты—другое. Ты живешь с панами, рядом с тобою и Польша и Украина. Там мир и Божье благословение, а в России — раздоры, война, голод. К нам, милая поворачивай, с нами живи в мире, да дружбе. Дадим мы тебе своего короля или «ясновельможного» господаря, а не захочешь его—будешь иметь вечную защиту наших королей или гетманов.

Находятся дурни, которые слушают такие и тому подобные речи

Но нет, не с ними жить Белоруссии, и это, я убежден, очень скоро поймут и белорусские интеллигенты, и даже наши полесские мужички.

Белоруссии нужны, как воздух и вода, земля и воля. Получить землю и волю можно только раз в жизни. Для завоевания земли и воли настало самое подходящее время: другого такого времени нужно будет ждать столетия.

Между тем, только Россия может обеспечить Белоруссии и землю и волю. Только она может разделить между белорусскими крестьянами огромные польские имения в Белоруссии.

Но Россия даст Белоруссии и землю и волю только тогда, если она будет в ней и с нею. Русские земельные законы действительны только в России, но не могут действовать ни в самостоятельной Белоруссии, ни в Белоруссии польской или украинской.

И уже одно это подсказывает белоруссам, куда надо идти, где искать свое счастье.

Оно одно направляет Белоруссию на прямой и единственно верный путь—путь к России.

В России и с Россией—вот тот путь, который указан Белоруссии и историей, и ее насущной нуждою.

Ну, чего-же
«Ты стоишь—поник
И не ратуешь?
Где-ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?»

В России и с Россией—это также и путь всех остальных окраин б. русской империи, неизбежность которого, я убежден, сознают очень скоро все без исключения «самостийники».

Ибо их спасение—в России, в русской федерации!..

И. Верхолесский.

БЕЛОРУССЫ! НАЗЫВАЙТЕСЬ СВОИМ ИМЕНЕМ.

Экономическая несуразность всей Европы и политическое неравновесие целого мира на горизонте всечеловеческой истории в продолжение многих веков смешивали карты судеб отдельных народов и племен. И теперь, перелистывая толстые книги историй самостоятельных государств, трудно определить сразу «общность» исторической судьбы некоторых племен и народностей, волею общего хода вещей влившихся в эти государственные организмы, под общим названием «Россия, Австрия, Германия, Англия» и т. д.

Государственное строительство, или, вернее, прежняя искусственная фабрикация правовых порядков буржуазных стран, во имя дикого принципа—«единодержавие», почти сплошь и рядом политическое лицо истории того или другого государства выкраивало из массы народной толщи, в то же время пренебрегая естественными племенными различиями. Ради видимой и мнимой целокупности и кичливого могущества империй, королевств и буржуазных республик, государственные аппараты их складывались на началах «звериного» национализма, как например,—«Россия для русских». Племена же, входящие в состав этих «наций»-государств, постепенно, под давлением бешеной централизации, теряли свои исторические лица и даже забывали свои имена.

Колесо мировой истории вращалось по пути прогресса, а стараниями господствовавших классов отдельных государств, старые государственные уклады силою всемогущего капитала держались до настоящего времени, и некоим образом сохранялось так называемое «деланное» мировое политическое status quo.

День за днем писались новые страницы все той же старой истории и все по тем же губительным для целых народов законам сумбурного противоестественного «смешения» больших и малых племен.

Много народов и народностей в общем историческом круговороте оказались совсем проглоченными другими народами; многие племена, потеряв свою самостоятельность, изжив себя исторически, расплылись среди других своих бывших соседей и, как говорится, умерли навсегда. Но много еще есть народов, ныне не имеющих своей самобытной истории, тем не менее исторических народов, только на время, видимо, потерявших свое государственное лицо. К таким народам принадлежит великое двенадцатимиллионное белорусское племя.

Среди большой славянской семьи Белорусский народ—особый народ, самоцельное племя.

Только несправедливостью старой, навязанной истории, белоруссам пришлось на весьма большое время претерпеть тяжелое национальное состояние. Попав в полосу дикого славянского расчленения, белорусский народ, будучи покорным судьбе, стал предметом притязания своих родственных соседей и с течением времени целиком попеременно вливался, но не растворялся, в чужие государственные организмы.

Как ни странно, но и такое историческое положение белорусского народа не лишило его основного национального признака «общности» в своей судьбе. Экономический и духовный быть белоруса несмотря на слишком большое давление внешних причин чужого порядка, остался естественно здоровым и самобытным. Белорусское племя и в чужой истории сохранило свою территорию, сохранило свой чисто славянский нрав и внешний расовый облик. В каком бы углу земного шара вы ни встретили белорусса, вы всегда и сразу узнаете в нем своего брата. Коренастый, здоровый, с белокурыми волосами; голубые, большие открытые глаза; высокий и широкий лоб, простое, добродушное лицо. В большинстве молчаливый и сосредоточенно-задумчивый белорусс всегда привлекает к себе и вызывает дружеское чувство. Неиспорченный тисками исторической холодной культуры, он не умеет лгать; коварство, зависть и злоба чужды белоруссу. Гонимый несправедливостью истории, он закалил себя в труде и для него всякий труд по плечу.

В далекой Америке вы белорусса редко встретите в шумливом городе, в качестве приказчика или торговца, зато на тяжелой работе дымных фабрик и заводов вы найдете много белоруссов. В рудниках и на поле, вот где белорусс ищет применения своему труду в чужих странах.

А у себя, на своей родной земле он знает только свою тощую полоску, над которой с восхода и до захода солнца проливает свой пот. Ограбленный чужими, безвластный Белорусс молчит, но в душе своей богатырской он таит заветные думы о своем счастье, которое должно прийти вместе с счастьем всего обездоленного трудового народа. Белорусс—безпечный, прямолинейный, многострадальный и неунывающий народ,—он и в нужде находит утешение:

«Паучок на стенцы
Кросенцы снуець,
Чаму-ж нам ні пець,
Чаму-ж ні гуляць,
Калі нашы прыяцелі
Для боку сідзяць...»

Белорусский народ, как великое славянское племя, исторически не умер, не потерял «общности» своей судьбы, а отсюда вытекает, что его история еще впереди.

И удивительно странным кажется, что многие на белорусский вопрос, который в последнее время встал во всю ширь не только пред белорусским народом, но и пред всеми народами всего мира, боятся назвать настоящее историческое явление своим именем:—Белорусский народ есть Белоруссы, Белорусская область есть Белоруссия.

Тот катастрофический взрыв общемирового политического равновесия, свидетелями которого нам приходится сейчас быть, определенно и ясно говорит сам за себя, что колесо истории должно повернуться по-иному, и что в общем новом повороте невымершие племена, силою исторических вещей, займут свое естественно-законное место.

Белоруссия будет настоящей Белоруссией. И как бы ослепленные космополиты ни силились искусственно стирать «особые» черты с лица белорусского вопроса, сама Белорусская своим цельным народным обликом будет постоянно и вечно говорить: «Живую не закопаешь».

Правда, многовековое «столпотворение» Российской башни на Белорусском народе сказалось—отняло у него, частью, родной язык и, благодаря смешению языка,

---

ВАВИЛА ГРУЗД.

(Расказ).

I.

Безхвостый, поджарый Жук целую ночь метался по широкому двору Вавилы Грузда и, несмолкая, заливался на всю деревню тревожным, злым лаем, то звонким, точно гнал зайца по полям, то хриплым и глухим. От времени до времени собака бросалась на забор, тогда царапались острые когти о трухлое дерево, и подвижное, вертлявое тело падало на землю, а замолкший на мгновение лай звучал еще громче, еще злобнее...

«И кого там черти носят в такую пору?»—сердито думал Вавила, лежа на печи.

Решил было выйти на двор и узнать, в чем дело, да вскоре одумался: под овчинным тулупом на печи было тепло и мягко, и не хотелось слезать на холодный пол босыми ногами. Думал также Вавила выслать из избы жену или сына, но и этого не сделал: Марья рядом что-то шептала сквозь сон, чмокая губами, а Гришка сладко и протяжно хрипел где-то около божницы.

«Пусть их...»—лениво решил мужик...

Так прошла ночь...

Утром, как только посерело в окнах, Вавила вышел на двор и начал осматривать хозяйство. В осиновом хлеве копошились у яслей две одутловатые коровенки; в соседнем сарае, хлюпая ноздрями, ржал Гнедка; визжали поросята в свинарне; рядом блеяли овцы, потрескивая ногами. Все было на своих местах.

Потом Вавила вышел на улицу и начал обходить постройки с внешней стороны.

На огороде, куда задней стеной выходила клеть, мужик остановился. Внизу, у самой земли подгнившия бревна были расшатаны и угловой брус фундамента был сдвинут на бок, к плетню. Отверстие пробоины злоумышленник старательно заложил, а мусор развороченных бревен втоптал широкими лаптями в рыхлую, набухшую от дождей землю.

Вавила постоял немного на месте, что-то обдумывая, потом запахнул тулуп и повернул обратно.

Перелезая плетень к улице, он остановился на время—хрустнули сухие ветви—и выругался:

— Ах, ты мразь поганая!..

О своем открытии Вавила в избе ничего не сказал, только насупился, да все время в шапке сидел, точно идти собирался куда-то...

Позавтракав, отец с сыном поехали в лес: нужно было свалить и привезти дуб на клепку.

Лес стоял в бронзовой осенней ризе и хранил в глубине своей певучую тишь, жуткую и настороженную. Внизу, по отлогам и кочкам, тянулся золотой ковер мертвой листвы; четко и раздельно вырисовывались стволы деревьев, точно свечи горели у алтарей; над головой высились купы неподвижных ветвей; еще выше покоилось бездонное, пустое небо, серое как муть на реке,—и, казалось, напоен был лес каким-то особым осенним воздухом, хрустальным и ломким.

Разворачивая широкие плечи, Вавила рубил мшистый дуб твердо и сильно. Косые щепы со свистом разлетались во все стороны и ложились вокруг ствола матовой чешуей. И всякий раз, когда острый, блестящий топор в могучих руках мужика взлетал вверх, где-то за лесом гулко отзывалось эхо, словно и там рубили дерево.

В груди Вавилы тяжелой мутью поднималась злость, слепая и яростная, и оттого, вырывая щепы, звонкая сталь впивалась в твердый дуб глубоко и цепко.

спутало и имя самого народа, но это в живом народе возродится с новой силой.

При общем мировом взрыве откроются карты судеб отдельных народов, и народы пойдут по верному пути к естественному сближению, в вечное царство Свободы, Равенства и Братства.

Именно теперь мы присутствуем при начале возрождений многих народов и принимаем участие в переустройстве национальных взаимоотношений всего мира.

Российская Революция становится факелом всемирной революции. Нам же, как участникам революции во всех ее этапах, необходимо открыто и честно стоять на революционном пути до конца и стоять со своим собственным именем, не прикрываясь чужим паспортом.

Мы—белоруссы, и все должны называться своим именем.

Клим Злобич.

ОСВОБОЖДАЕМАЯ БЕЛОРУССИЯ.

Русско-германским дополнительным договором 28 августа текущего года часть оккупированной Белоруссии освобождается от немецких войск, следовательно, и от немецкого хозяйничанья вообще 15 сентября в Вильне особой русско-германской комиссией подписано соглашение, в силу которого германские войска выводятся из местности к востоку от р. Березины. Вся местность разбита на пять участков, освобождаемых «соответственно пятичастичным взносам, согласно ст. 3 параграфа 1-го русско-германского финансового соглашения 27-го августа 1918 года». Освобождению подлежат:

1-й участок: Лепельский уезд, за исключением его северо-западного угла, причем последний ограничивается на юго-востоке приблизительно линией Ореховно—Звоны (местечки остаются в германских руках) и северная часть Сенненского уезда, ограниченная с юга приблизительно линией Овчуга—Пересека (эти местечки остаются в германских руках).

2-й участок: Оршанский уезд, остальная часть Сенненского уезда и Могилевский уезд, за исключением юго-западного угла его к западу от реки Прута.

3-й участок: Старо-Быховский уезд, поскольку он лежит к востоку от р. Прута.

4-й участок: Рогачевский уезд, поскольку он лежит к востоку от реки Прута и до линии, отстоящей на пять километров к западу от железнодорожного пути Рогачев—Жлобин, однако, к югу только до линии, отстоящей на пять километров к северу от жел. дороги Бобруйск—Жлобин—Гомель. Пользование станцей Жлобин-южная будет предоставлено русским после передачи этого участка, на основании отдельных специальных соглашений (ст. 3, абз. 2).

5-й участок: лежащие к востоку от р. Березины части уездов Борисовского, ограниченного на севере приблизительно линией Березино—Звоны, Игуменского и Бобруйского; лежащие к западу от р. Прута части Могилевского (юго-западный угол) и Старо-Быховского уездов, равно, как и лежащая к северу от р. Березины часть Речицкого уезда.

Эти участки, на основании указанного соглашения, будут очищены: первый—между 20—22 сент. (вывод германских войск из Лепельского уезда уже начат), второй—между 25 и 31 октября, третий—между 10 и 15 ноября, четвертый—10 и 15 декабря 1918 г. И пятый—25 и 31 января 1919 года, за исключением Борисовского уезда, кроме части его к северо-западу от р. Сергуч; очищение этого уезда состоится к 24—28 февраля будущего года.

Не будем касаться причины освобождения немцами Белоруссии,—на ней остановимся в другой раз, когда рано или поздно, придется подводить итоги всех тех неудач, которые без сомнения терпят и будут терпеть в России все захватчики. В данный момент важно то, что, благодаря усилиям Советской власти, значительная часть Белоруссии очищается германцами, и хоть некоторая доля многострадального белорусского народа может вернуться на родные пепелища и зажить свободно и мирно. Вернуться на родину, в родную хату, если она уцелела, или на место, где она стояла—это ведь счастье, которого не оценит разве только тот, кто не пережил ужасов чудовищной войны, кто не знает ужасного беженства, не валялся по проселочным и железным дорогам, по станциям и городам, холодный, голодный и никому в целом мире ненужный. Слишком много пережил белорусс для того, чтобы не оценить возможность вернуться в родную деревню, где его уже никто больше не тронет, где он без всякой боязни за свой труд и свое благополучие может зажить, как никогда.

Но для того, чтобы жить—необходимы

«Ишь ты... обокрасть хотел... сволочь этакая... Думаешь улизнешь... шалишь... Я тебе... постой-ка...»—плывут в голове мужика нестройные мысли.

Рубаха расстегнулась и сквозь открытый ворот видна была здоровая, бурая от загара, грудь. Скуластое, широкое лицо Вавилы покрылось потом; ходила из стороны в сторону черная, нечесаная борода, а выбившаяся из под шапки прядь волос лежала на лбу и с каждым ударом топора отлетала к уху.

Гришка—высокий, безусый парень—наблюдал издали за работой отца и думал, ухмыляясь:

«Ну, и крепок же, старый... Ишь, ворочает...»

Перед тем, как начать пилить дерево, Вавила вступил с сыном в короткий разговор:

— Ты не знаешь... Ночью вор в клеть пробирался... Бревна развернул к огороду...

Гришка не поверил:

— Что ты, батя... откуда знаешь это?

— Откуда?.. Сам видел...—ответил сурово Вавила.

Помолчали немного.

— Значит, клеть обчистить хотел... И что мы делать будем теперь?—спросил в раздумьи Гришка.

Вавила плюнул: разозлился на сына:

— Не знаешь, что делать... маленький ты... Поймать его надо—вот что...

— А потом куда его?..

— Свернуть голову да и бросить. Не в зубы же ему глядеть...

Гришка посмотрел в злое, широкое лицо отца.

«И впрямь свернет»,—решил он про себя...

Больше Вавила с сыном не разговаривал. Пилили дуб молча и молча его клали на скрипучую телегу...

II.

Вернулись мужики из лесу домой вечером, когда уже темнело.

Ужинали при лампе.

Гришка думал об игрище, на которое его звал хромой Ильюшка, представлял себе как будут хороводиться девки, и ел нехотя. Вавила захватывал ложкой мятый картофель жадно и с силой, точно вилами сено брал, и громко чавкал ртом.

Узнавшая про вора, Марья сидела на лавке пригорюнившись, облокотилась на руку, в темный угол впилась глазами. И сами собой рождались в голове жалостливые, бабские думы. Страшно было за вора, за судьбу его горькую.

«Не пожалеет Вавилушка... что ему... уложит человека... Мошенник, а все ж Божая тварь... хрещеная... Убил летось конокрада из Хвощинки. Мужики всякие слова, то да се. А Вавила прямо по голове... И конь чужой был... Сидоров... За что, кажись?..

И перед глазами бабы выплыла жуткая картина убийства хвощинского конокрада.

Красивый парень, как портрет писаный, с кудрями черными, стоит на дворе у Сидора косоглазого, и руки у него назад связаны. Стоит бледный в лице и трусит весь. Голова без картуза, а пиджак разорван. И рубаха в горошек разорвана. Мужиков полон двор—кричат да ругаются. Пристают мужики к конокраду с расспросами разными, а парень камнем молчит. Только озирается боязливо, жалостно так. Пришел и Вавила на двор. Глаза, как у зверя; сам ходуном ходит. И кирпичина в руке. Подошел близко-близко; к самому лицу конокрада придвинулся. Молчком поднял кирпичину—высоко, быстро—и прямо в голову. Бухнулся парень о землю. Руками шатнул, слов-

средства, которых, увы, освобожденный белорусс лишен. Необходимо вспомнить, чем он был раньше и чем стал теперь. Правда, белоруссу всегда жилось плохо, он всегда с трудом сводил концы с концами, почти ежегодно несколько недель голодая (преимущественно перед «новиною»), но все-таки до войны у него была хатка, на курьих ножках и крытая соломой, но все же хатка, была скотинка и был кое-какой мертвый инвентарь—соха, борона, грабли. Ныне, вполне понятно, он застает пепелище: нет ни хаты, ни села вообще,—оно уничтожено войною. Скот реквизирован частью русским интендантством, по цене 10 руб. за пуд живого веса, частью германцами. Инвентарь... да где, впрочем, думать о сохе и бороне, когда на месте бывшего хозяйства один лишь пепел!.. Между тем, жить нужно, и нужно жить именно на батьковщине, тем более, что идти-то некуда.

Ясно, крестьянину-белоруссу, освобожденному от ига немецкой оккупации, нужна помощь, и эту помощь он может получить только от России.

Нужно сказать правду: безвозвратно канувшая в Лету царская Россия не баловала в этом отношении Белоруссии: кто-кто, но она никогда существенной помощи от нея не получала. Польше, бывало, отпускаются на культурные сельско-хозяйственные мероприятия громадные средства (по 700—800 тыс. одному только Варшавскому обществу сельского хозяйства), а Белоруссии не давали ничего, или же давали какие-нибудь гроши. Ныне Белоруссии приходится иметь дело с Советской Россией, которая, разумеется, не будет разсуждать по-царскому: там, дескать, паны, и поэтому им надо помочь, а здесь крестьянство, мужичье и оно обойдется и без помощи. Трудовая Советская Россия ставит своей первейшей задачей восстановление на Западе, прежде всего, народного хозяйства, и, следовательно, белорусскому крестьянству поможет в первую очередь.

Правда, помощь нужна немалая. Необходимо помочь крестьянству Белоруссии и отстроиться, и скотинкой обзавестись, и мертвый инвентарь приобресть. Мало тысяч, нужны десятки и сотни тысяч, а, может быть, и миллионы. Но мы убеждены, что сумма необходимой помощи возвратившимся на родные пепелища белоруссам не остановит Советскую власть России, она даст разоренной войною Белоруссии столько, сколько именно нужно для восстановления загубленных хозяйств.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что по мере возвращения на места беженцев в волостях и в деревнях будут образовываться советы, которые и займутся устройством крестьян при деятельной поддержке Советской власти. Иначе и быть не может. Это тот единственный путь, который приведет обездоленного белорусса-хлебороба к счастливому, мирному существованию. Это та единственная помощь, которая наиболее приемлема белоруссами, тяготеющими к своей матери России, а не к помещичьей Польше.

Верим, что недалек тот час, когда в освобожденной Белоруссии засветит, наконец, солнце счастья, и родное белорусское крестьянство заживет жизнью свободной, мирной и обезпеченной всем необходимым. Верим, настанет момент, и он уже недалек, когда и несчастный белорусс-беженец скажет: «Великая русская революция принесла счастье и нам, горемычным. Это будет, этого не может не быть!!!

И. Верхолесский.

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ СОВЕТСКИХ БЕЛОРУССКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ.

На 23 число минувшего августа, по инициативе Белорусского Отдела в Петербурге была созвана первая конференция Белорусских партий и организаций.

На конференцию в Петербург явилось около 40 представителей белорусских партий и организаций. Были представители ото всех, за исключением Смоленского, правительственных Белорусских Отделов. Белоруссы-рабочие и белоруссы-моряки Балтийского флота, в Кронштадте и Петербурге, прислали полное представительство. Петербургская коммунистическая секция белоруссов делегировала на конференцию свое самое сильное ядро. Первым вопросом был поставлен вопрос о современном политическом положении Белоруссии, в связи с общероссийской опасностью. С кратким докладом выступил по этому вопросу управляющий делами Центрального Белорусского Комиссариата т. Логун. Он с коммунистической точки зрения, обрисовал беспристрастно тяжелое положение всей России и особенно Белоруссии. С деталя-

---

по веревку разорвать хотел... Волосы в крови... Лицо страшное... Глаза откроет закроет... опять откроет-закроет... Перевернули мужики бедняженьку на спину, чтобы смерти не видать... А день такой ясный, теплый... Птица разная на стрехах распевает да прыгает... Сонейко светит...

— Господи! Господи!.. Матерь Божая! Царица Небесная!..—шепчет Марья дрожащими губами...

Ужин окончился.

Вавила обтер ложку о край скатерти, поднялся с лавки, струсил крошки с бороды и креститься на темные иконы начал Помолившись, вскинул на плечи армяк, нижний пиджак веревкой стянул.

— Собирайся... сторожить пойдем...—сказал он сыну.

Гришка оделся.

— Вавилушка... — боязливо и тихо произнесла Марья.

— Что тебе?..—повернулся к ней мужик.

Твердо и сурово взглянул в морщинистое лицо бабы. И показалось Марье: два острые гвоздя вонзились в ея глаза и прошли до самой души, где лежало затаенное.

Хотела просить Вавилу о большом, о важном, о необходимом—и не могла.

— Ты бы, Вавилушка, тулуп надел. Еще хворь поймаешь,—сказала Марья совсем про другое.

Лохматые брови мужика сошлись краями вплотную—догадался о чем думала баба.

— Тебя дело не касается... не лезь зря... Тоже сопернища...

У порога Вавила вспомнил про собаку, и опять сурово взглянул на Марью:

— Ты лучше Жука прими в избу. Мешать только будет...

Отец и сын вышли на двор.

Стояла холодная, туманная ночь. Деревня спала...

Под навесом, где лежали дрова, Грузд вытащил из кучи жердей толстый кол и передал его в руки сына:

— Возьми на случай... Сподручней оно...

Кол был тяжел и крепок.

— А ты с чем будешь?..

— Я и так обойдусь. От меня не убегит...

У плетня с улицы Вавила остановил Гришку:

— Притаись здесь... Будет бежать—мазни по башке... Не святой... жалеть нечего...

Сам Грузд перелез плетень, прошел огород и, завернувшись в армяк, присел у стены соседского хлева...

III.

Ждать пришлось до самой полночи.

Когда небо из сераго стало низким и черным как уголь, а все время стоявший над землей туман поднялся выше и набух пепельной мутью,—у далекого гумна Грузд заметил чью-то неясную фигуру. Человек шел прямо к амбару.

Приблизившись к плетню, вор постоял немного на одном месте, словно что-то обдумывал. Перелез в огород. Опять пошел.

У самой клети человек вытянулся в столб и стоял так минут десять. Прислушивался.

Грузд всмотрелся в вора и по тщедушной, горбатой фигуре и большой, взлохмаченной, как клок сена, шапке, признал в нем бобыля Еремку.

«Вошь этакая, а лезет»,—подумал со злостью мужик.

Вор, между тем, принялся за дело. Отвязал от пояса топор, зацепил нижнее бревно и оттянул его в сторону. Когда

Первая Конференция Белорусских Советских партий и организаций

(Специальн. снимок фотогр. «Прима»).

ми по этому вопросу выступил с.д. интернационалист-белорусс, т. Вазилло,— который нарисовал яркую картину современного положения вообще, и той опасности, которая грозит Российской революции. О положении Белоруссии т. Вазилло сказал: «Мы присутствуем при небывалом в мировой истории всенародном взрыве. Все народы и племена волею исторических вещей должны принимать активное участие в этом мировом акте. И горе тем народам, вокруг которых теперь, именно, сейчас, бушует всенародный пожар, и которые молчаливо катятся вслед за происходящими событиями. А таким молчаливым народом является наш страстотерпец белорусс. Он, вечный раб чужих историй, и до настоящего времени, несмотря на всеразрушительный гром нашей великой Российской революции, продолжает бродить в дебрях человеческого непонимания. Окруженный со всех сторон более культурными племенами, он, благодаря своей

Еремка тюкнул топором следующее бревно, за его спиной, недобро ухмыляясь, стоял Вавила.

— Ты это, человечик, что делаешь?— спросил мужик в растяжку.

— Ай!.. Ай!..—тонко, по-заячьи пискнул бобыль. Перевернулся, точно на пружине был, и выпустил топор.

На Грудзя смотрела пара маленьких испуганных глаз. Корявое, морщинистое лицо Еремки вытянулось и застыло; нижняя челюсть отвисла и на ней дрожала острая, тоненькая бороденка.

— Ты воровать лезешь?—уже глухим голосом спросил Вавила.

Бобыль не ответил.

— Сволочь ты!..—бешено крикнул мужик и, отмахнув сжатый кулак, изо всей силы ударил Еремку по лицу.

— Ай! — опять по-заячьи писнул Еремка и покатился на землю.

Лежачего бобыля Вавила бил ногами долго и ожесточенно. С каждым ударом Еремка перевертывался на другой бок и, жалобно взвизгивая, стонал.

— Вот тебе!.. Вот тебе!.. — хрипел Вавила и яростно толкал широкий лапоть в мягкое, распластанное тело Еремки.

— Батя, перестань... будет с него...— уговаривал отца подбежавший Гришка.

Неожиданно под ногой Вавилы, где была на этот раз грудь бобыля, что-то хрустнуло. Еремка сразу смолк и уже не переворачивался. Полежав немного молчком, словно соображая, что случилось, бобыль изогнулся своим тощим телом и заохал как-то тягуче, чужим голосом, с длинными перерывами.

Вавила остановился и тупо глядел на Еремку.

«Должно быть спортил человека... поднес же чорт такого дохляка»...—с досадой раздумывал он.

Свиреная, острая злость пала куда-то вниз и растаяла там, подобно тому, как тает болотный туман над твердой, согретой землей, и непонятная, ленивая пустота медленной струей заполняла собою грудь, голову, опущенныя и вялыя руки...

На соседнем дворе прокричал петух. Дальше, на деревне ответил другой. И третий петух где-то отозвался...

— Что он будет здесь лежать? В хату его надо,—произнес Вавила.

Гришка подошел к лежавшему бобылю, взял его за плечо и начал трясти.

— Вставай... будет валяться... Хлеть портить, нечего сказать, нашел дело... Посидишь в остроге... узнаешь... Да вставай же ты, мухомор несчастный...

Еремка, силясь и кряхтя, поднялся на ноги.

И стал бобыль сразу иным—маленьким, растрепанным, плюгавым. Спина сгорбилась еще больше; пояс распустился и ветхая, дырявая свиточка растегнулась спереди и обвисла вниз... Обтер рукавом с лица землю, всхлипнул по бабьи.

Гришка поднял с земли большую, растоптанную, как блин, шапку и надел ему на голову...

Все трое потянулись в избу...

IV.

Утром, как только начало светать, Вавила повел пойманного Еремку к уряднику, в соседнюю деревню Шиховку.

В темных сенях вышедшая следом Марья остановила мужика робким словом:

— Вавилушка...

На этот раз по одному голосу догадался Грузд, что собиралась баба просить за бобыля—и выругался:

— Уйди, стерва... надоела ты... жалостница этакая...

Марья шарахнулась в угол и стихла, притаившись.

Вавила пропустил вперед Еремку, вышел сам и затворил дверь.

молчаливости, становится средством преступных империалистических поползновений, возрождающихся искусственно молодых самостийных «держав» и королевств.

Теперь, как никогда, настал момент истинным белоруссам, волею судьбы стоящими во главе революции, как можно скорее и громче трубить на весь мир, что белоруссы, это — тоже народ. И необходимо, больше чем необходимо, белорусским деятелям, которые занимаются белорусским вопросом, не ради моды и своего дешевого благополучия, спуститься в народные белорусские массы и там зажигать свет революции. Я верю и знаю, что как бы ни была скудна культурными работниками наша родная нива, у нас есть «порох в пороховницах» и «войско в станицах»; только нужно собрать его. Не для дикой самостийности, не во имя шального «социал-шовинизма» должна собираться многострадальная Белоруссия, а ради общечеловеческого дела, ради грядущего красного интернационала!..

И затем, т. Вазилло предложил собранию, прежде чем приступить к обсуждению дальнейших вопросов, выявить взгляд присутствующих вообще на белорусский вопрос. Это предложение принимается, и следующим вопросом ставится: «Чем должна быть Белоруссия» или «Общая платформа в разрешении белорусского вопроса».

Тов. Канчер сделал по этому вопросу пространный, основанный на научных материалах доклад. Он, бросая взгляд на мировую историю, наглядно доказал, что 12-миллионное с лишком белорусское племя есть историческое племя.. И только благодаря особым историческим причинам, белорусскому народу суждено было до сих пор быть бесправным народом в семье славянских племен. И далее, т. Канчер подробно остановился на той исторической несправедливости, благодаря которой белорусский народ целые века являлся только выгодным средством для соседних, родственных белоруссам народов. Нарисовав экономическое, политическое и духовное порабощение белорусского края и его современное, со всех точек зрения, состояние, докладчик с методической последовательностью развил свою основу понимания белорусского вопроса. Он, опять таки, оперируя в доказательствах с историческими законами, вывел, что Белоруссия может мыслить и существовать, только как широко-автономная в политическо-административном, экономическом и культурно-национальном отношении государственная единица. Только в федеративном союзе со всеми российскими областями она может сохранить себя и избавиться от той кабалы, в которой было и есть до настоящего времени.

«Только так, а не иначе мыслится мною белорусский вопрос. Но для спасения трудового белорусского народа, для восстановления его исторических прав, необходимо всем белоруссам осознать самих себя, а белорусским политическим и общественным деятелем необходимо понять, что другого выхода для Белоруссии нет», закончил т. Канчер.

Эта точка зрения оказалась, после обмена мнений, общей для всех присутствовавших, и конференция пришла к единодушному решению, что Белоруссия должна быть широко-автономной государственной единицей, должна после ликвидации современного мирового угара войти в великий федеративный Российский союз равноправным членом. Конференция этот взгляд на Белоруссию поставила в основу дальнейшей своей работы и приступила к обсуждению следующих по порядку вопросов.

Учет Белорусских сил.

Вот тот камень преткновения, о который разбиваются все чаяния и надежды белорусских «працовников». Веками забытый и историей загнанный в неволю к другим, белорусский народ слишком разбросал свои духовные силы по чужим углам. Являясь целыми веками попеременно пасынком больших и малых государств, Белорусское племя не имело возможности из своей среды выделить для своего края дотаточное количество. Но эти люди есть.

Их нужно собрать, и чем скорее, том для Белорусского народа лучше. Встает вопрос—как? Никто не станет отрицать, что эти силы нужны, что без этих сил Белоруссии нельзя будет начать жизнь. Необходимы светилы, необходимы люди, которые бы, живя с народом, помогали ему строить новое лучшее счастье.

Если надо, то можно—говорит древняя няя народная мудрость.

Конференция долго обсуждала этот вопрос и пришла к заключению, что в настоящий, самый опасный для Белоруссии период времени, необходимо привлечь к белорусской работе всех белорусских

Старательно запер скрипнувшия ворота, подумал немного и заложил засов снутри.

Улица деревни была тиха и пустынна.

Туман прошел и на взбитой ногами животных и людей земле лежал холодный, влажный иней. Небо очистилось от ночных туч, посветлело, стало выше, просторнее. Розовой дымкой алел восток...

Мужики прошли длинную улицу, обогнули кладбище и вышли на большую трактовую дорогу, извивавшуюся средь голых полей.

Первое время оба шли рядом, а потом Вавила отстал и пошел за спиной Еремки. Бобыль сутулился, прятал озябшие ладони в рукава свиточки и, не отрываясь, глядел себе под ноги. Лицо было в синяках, а около рта запекся и обвис вниз темный сгусток крови. Дышал Еремка тяжело и с каждым вздохом в груди что-то свистело, точно вставили туда испорченный кузнечный мех и нажимали его...

В избе между Вавилой и Еремкой разговора не было: как сел бобыль у печки, так и сидел понурившись до самого утра, и не охал уже, и не стонал. И когда Еремка остановился у старой, обгоревшей березы и начал хрипло кашлять, Грузд удивился этому.

— Что с тобой?—спросил он, косясь на спутника. Еремка отхаркнулся:

— Кровь снутри... Режет... Кость, должно, сломал...

Вавиле стало как-то неприятно, и он отвернулся к полю.

Опять пошли...

На горке показалась Шиховка. Сперва выплыли два-три гумна, немного погодя стала видна вся деревня...

Из-за леса выглянул зыбкий круг солнца и медленно поднялся на небо. Ровные, золотистые лучи пали на деревья, на поля, на дорогу; матовой полосой заиграла на поверхности недалекого озера; яркими алмазами разсыпались по таявшему инею...

На плетне Шиховских огородов сидела, нахохлившись, старая ворона и глядела своими круглыми, вороньими глазами, как двигались по дороге двое людей,— один маленький, хиленький, согнутый в крючок; другой—высокий, крепкий, широкий в плечах. Когда мужики подошли к самому плетню—ворона каркнула и, лениво взмахивая крыльями, полетела к гумнам.

Грузд посмотрел вслед птице и сплюнул.

В груди мужика росло и ширилось одно странное и непонятное ему желание. Еремка от самого «Панского загона» начал прихрамывать и шел тихо. И уже давно хотел Вавила дать бобылю отдых.— думал так, думал этак—и не знал, как приступить к делу.

«Ишь, полетела», беспричинно подумал он о вороне.

И, подумав так, сразу появилась решительность, точно нашел самое нужное, чего недоставало, и ухватился за него.

— Ты, тово... отдохны-ка...—угрюмо произнес Грузд.

Еремка, нисколько не удивляясь поступку Вавилы, присел на кучу сваленных жердей.

Посидел немного,—лапоть начал снимать.

Грузд облокотился на плетень, словил рукой качавшуюся на хворостинке соломинку и, положив ее в рот, стал медленно разжевывать...

V.

Квартира урядника—высокий, тесанный домик с раскрашенными ставнями—

культурных работников. А такими работниками, прежде всего, являются наши горемычные учителя. Надо раз навсегда раз'яснить интеллигентному белорусскому пролетариату, что от судьбы Белоруссии всецело зависит и его дальнейшая судьба. Кроме того, конференция нашла нужным взять, как говорится, на учет всю Белорусскую учащуюся молодежь, которая в самом недалеком будущем должна будет стать рассадником родной культуры и маяком на дороге в царство светлого будущего:

Для немедленной же культурно-просветительной и созидательной работы в родном краю пригласить, обязать долгом пред народом, всю белорусскую научную силу и вменить ей в обязанность итти со своим народом, выполняя все задания, которые народ будет ставить и жизнь которого будет требовать. Нужно указать этим оторвавшимся от своего народа светочам науки, что они должны служить народу, не боясь его контроля.

Все присутствовавшие на конференции согласились с таким положением.

После научного доклада тов. Овсяного об экономическом состоянии нашего края и о тех необходимых возможностях, которые сейчас стоят перед нами, конференция нашла настоятельно нужным, как можно скорее, образовать при правительственных Белорусских Отделах «Вольно-экономические Белорусские общества». Эти общества, составленные из всех научных, общественных и политических белорусских сил, должны немедленно приступить к выяснению прошлого, настоящего и будущего Белоруссии; должны всемерно работать и заботиться о поднятии культуры в крае, о развитии промышленности и самодеятельности трудового народа. Во имя этой цели общества и отделы должны печатным и устным словом говорить с народом, — издавать научные общедоступные журналы, газеты, научные труды и по всем вопросам экономической жизни края книги и брошюры. Нужно работать для настоящего и готовиться к предстоящему мировому конгрессу.

Тт. Желунович и Петрович конференцию ознакомили с положением в области культурных национальных богатств, с тем современным явлением этого порядка в международных отношениях, которые имеют место в комиссариатах по делам национальностей и общественных организациях. Они нарисовали жуткую картину того безцеремонного «грабительства» в области переустройства бывшей Российской Империи, которое больше всех отражается на Белоруссии.

Попутно с этим сообщением, конференция получила ясное представление и о том стремлении соседних с нами народов, ныне возглавляемых на местах своими самозванными буржуазными, но своими, правительствами, — отхватить от Белоруссии довольно значительные части исконно-родной белорусской территории. Конференция признала необходимым всемерно препятствовать этому. Белорусскому национальному комиссариату вменила в строгую обязанность зорко следить за тем, что происходит сейчас вокруг молчаливой Белоруссии.

Наконец, конференцией было уделено особое внимание беженскому вопросу и тому, что сейчас делается в оккупированной Белоруссии.

Все без исключения констатировали факты, что с беженским вопросом, особенно в отношении белоруссов, дело обстоит далеко неблагополучно. И до настоящего времени не налажена, хоть сколько - нибудь, правильная реэвакуация. Белоруссы-беженцы мрут с голоду в ожидании отправки к себе на родину и на месте им не оказывается почти никакой помощи. Деревни разорены, негде головы приклонить; детишки валяются под открытым небом, нет бороны, сохи, нет коровы и лошади. Нужна немедленная помощь, а ее никто не оказывает. Поляки-беженцы устраиваются гораздо лучше: о них заботятся их общественные организации, а у белоруссов таких организаций нет.

Кстати сказать, в оккупированной Белоруссии родная школа опустела. Неполучая никаких и ниоткуда средств, она постепенно подменивается польскими школьниками. Конференция все это поставила на вид правительственным белорусским отделам и категорически высказалась, что отделы обязаны принимать все меры к тому, чтобы постановления первого всероссийского с'езда беженцев из Белоруссии были воплощены в жизнь.

На это представители белорусских отделов отвечали, что они по современной конституции своих прав, не имеют возможности всесторонне служить своему народу. Конференция постановила — немедленно обратиться в Совет Народных Комиссаров с настоятельной просьбой о

стояла на самом конце деревни, отодвинувшись от мужицких хат к пустынному выгону, точно сторонилась своих соседей.

Поднявшись на заброшенное окурками папирос крыльцо, Еремка трусливо сорвал с головы разбитую шапчонку и сунул ее куда-то за пазуху. Неторопясь снял и Вавила свою шапку.

В первой половине избы никого не было. Вдоль печки тянулась простая крестьянская лавка; у окна стояли крашеный стол с чернильницей и венский стул. Мужики называли эту комнату «прокурорной» и почему-то боялись ее...

Груздь оставил бобыля у порога, сам вошел в другую половину избы, к уряднику.

Урядник—низкий, толстый, как бочка, человек с выпученными бычачьими глазами и рыжими усами, закрученными вверх—сидел у стола в одной рубахе и, тяжело отдуваясь, пил чай. Рядом с самоваром стояла тарелка с огурцами и раскупоренная бутылка водки; с краю лежала длинная вязка баранок.

«Ишь, прохлаждается себе», с завистью подумал Вавила.

— Тебе что?.. Зачем?—хрипло спросил урядник.

Грузд поклонился:

— К твоей милости, господин урядник... Так, что вора привел... спаймал у клети...

Урядник поставил блюдечко с чаем на стол. Наморщинил лоб и некрасиво оскалился.

— Вора, говоришь... Сейчас выйду...

Подождав, пока мужик вылез в дверь, урядник подошел к развороченной кровати, снял со спинки мундир и, пыхтя, надел его на себя. Пробежал мутными глазами по стенам, завешанным лубочными картинами,—решил, что-то—и навесил с боку шашку. Выходя из комнаты надел на круглую голову форменную фуражку с парусиновым верхом...

Завидев урядника, Еремка болтнулся всем телом вперед и попятился к двери.

— Чего прячешься!..—крикнул урядник.—Ближе подойди... Птица сыскалась... Я тебя научу воровать...

Бобыль подошел к столу и побледнел в лице, как бумага.

— Ты, кто такой?—спросил урядник зычным пьяным голосом.

За Еремку ответил Грузд:

— Он из нашей деревни, господин урядник... Еремка Тарасов... бобыль...

— А ты, паршивец, почему молчишь?— набросился урядник на Еремку.—Онемел сразу... язык отняло... Отвечай: зачем чужую собственность трогал...

Бобыль сжался в комок; быстро-быстро замигал опухшими, красными веками; дрожать весь стал. Рот открылся сперва, а потом скосился в бок и застыл.

«Бедняга... струсил-то как»... посочувствовал в душе Вавила.

Урядник освирепел.

Лицо побагровело и вздулось жилами, словно обтянули его под кожей толстыми веревками. Бычачьи глаза налились кровью и еще больше выпучились....

Подбежал к Еремке и замахал кулаками:

— Убью сейчас!.. Говори, сукин сын... Зачем в клеть лез?.. по какой надобности?.. кто позволил?..

И вдруг неожиданно свершилось что-то невероятное, дикое.

Бобыль изо всей силы стукнулся о землю—поклонился уряднику, как иконам мужики кланяются—и быстро поднялся на ноги. Лицо вытянулось и совсем стало белым; глаза были светлые и странно-широкие—не Еремкины уже

расширении прав белорусского комиссариата.

Работа первой конференции продолжалась два дня.

Решено много принципиальных вопросов, намечен план дальнейшей работы по разрешению белорусского вопроса, и признано необходимым, в ближайшем будущем, созвать вторую конференцию.

По настоянию моряков было решено на предстоящий 3-й с'езд Советов Западной области послать представителей от моряков-белоруссов и от рабочих, уроженцев Белоруссии.

Сколько уменья и такта проявили молодые белорусские работники на своей первой совместной работе, нужно только удивляться. С какой последовательностью и осторожностью они подходили ко всем вопросам и с какой серьезностью и вниманием относились к ним!

После этого можно смело сказать, — «есть нужда, но есть и выход» для несчастной Белоруссии.

Несмотря на весь ужас современных обстоятельств, все же впереди видно яркое красное солнце, которое манит и зовет к себе белорусский народ.

Белоруссия жива!
Прочь все сомненья!
С песней вперед, белорусский народ:

Прочь с дороги, злые силы,
Вас давно уж ждут могилы,—
Молодая (Бело)-русь идет.
И сплоченными рядами,
Выступая в бой с врагами,
Песни новые поет!!.

Правдолюб.

Отдел истории, науки и мысли.

БЕЛОРУССИЯ И БЕЛОРУССЫ.

(Продолжение).

Белорусское племя уже в историческое время развило свою колонизацию на восток и по свидетельству исторических исследователей Д. Иловайского и И. Забелина-древние Псков и Великий Новгород, являются лишь ближайшими аванпостами, выдвинутыми поступательным колонизационным движением белоруссов на северо-восток и далее к верховьям Волги, с мест их постоянного расселения и, таким образом мы видим, что белоруссы также послужили основным ферментом в образовании великорусского племени.

В позднейшее время, в период крепостного права, колонизация белорусского племени под влиянием крепостнического гнета, проникла и в вольныя южно-русския степи, в Новороссию, где и посейчас имеются более или менее крупныя поселения белоруссов.

Поток колонизации занес белоруссов и в знойные пески Туркестана, и в тайгу холодной Сибири, и в Уссурийский край и в последнее время колонизационная белорусская волна докатилась вплоть до самых берегов Тихого Океана. В крупных велико-русских и украинских центрах: в Петрограде и Москве, в Киеве и Одессе, а также в польских и литовских землях имеются довольно значительные белорусские колонии.

При указании границ распространения белорусского племени, не следует также обходить молчанием и начавшуюся в конце XIX века значительную эмиграцию белоруссов в Новый Свет—в Соединенные Штаты, где также в больших центрах, как напр., в Нью-Иорке, Чикаго, Бостоне имеются тоже довольно крупные белорусския колонии.

Беоруссы окончательно отделились от обще-русской жизни еще в XIII в. и дальнейшая история белорусского племени исключала возможность особенно сильбелорусские колонии.

это были глаза, а чьи-то далекие и чужие.

В то же мгновение Вавила вспомнил образ Спасителя, с большими очами, в терновом венце, который висел в Хвощинской церкви, над самым алтарем,— и холодная жуть пробежала по спине. И так-же быстро, как вспомнил, забыл это...

— Ваше благородие... господин урядник... тятенька мой... разве я правду таю?..—залепетал дрожащими губами бобыль.—Как перед Богом говорю: воровал... действительно, воровал... Жизнь такая моя: земли—на грядку нет... работушки никакой... с чего питаться будешь?.. Зима вот: ни дров, ни хлеба, ни одежины... Баба слегла... живот надорвала... Ребятишки кричат... В чем—они повинны?. Деточки мои...

И уже не говорил Еремека, а плакал, захлебываясь и причитывая невнятным голосом, как плачут бабы над покойником. Слезы текли по лицу, по жиденькой бороденке, падали на грязную свитку.

Слева бобыля его плач неутешный, его глаза, такие непонятные, светлые, всколыхнули собой сонную душу Вавилы Груздя и, точно на крыльях, подняли ее ввысь. Много было мыслей и забот в голове мужика о семье, о хозяйстве, о земле.—и все оне развеялись, как дым по небу; много было страданий и печали в изнуренном сердце, вскормленных тяжелой трудовой жизнью,—и все оне смолкли и неслышно исчезли, точно не было их. И на том месте, где покоилась усталая душа, где билось кровью горячее сердце, где шевелился угрюмыми и безотрадными мыслями тяжелый мозг,—там вспыхнула и выросла в мгновенье великая правда и имя этой правде было— Мужицкое Горе. И, как признает дитя свою мать, вскормившую его молоком, так признал всем телом, всеми чувствами своими эту правду Вавила родной и кровной себе...

Груздь смотрел на плакавшаго бобыля и теплая, мужицкая жалость щекочущей волной поднималась где-то в груди и туманила глаза.

Урядник опешил и безсмысленно хлопал глазами. Потом сообразил, в чем дело и быстро сорвался с места.

— Харя твоя арестанская:.. кому ты комедию ломаешь... «Детишки»... А чужое похищать можно?.. Что говорит закон?.. Слышал?.. Морда!..

С последним словом урядник подскочил и ударил бобыля кулаком по лицу.

Еремка громко цокнул челюстями и, вскрикнув, отшатнулся в сторону.

Груздь по волчьи прыгнул к уряднику.

— Ты за что его?..—скрипнул он зубами.

Урядник взглянул на мужика и замер.

На широком, скуластом лице, в кругу спутанных волос и бороды, звериной яростью дымились круглые, злые глаза и взгляд их зажег в груди урядника жуткій страх.

«Убьет», мелькнула в голове быстрая мысль.

Хотел бежать в другую половину избы, но мгновенно одумался и решил подавить свой страх.

— А тебе какое дело!.. Против начальства...

Остального урядник не договорил.

— Сволочь!..—крякнул Груздь и, привычным движением отмахнув кулак, гулко хряснул урядника в висок.

Нелепо и звонко брякнула шашка... Круглое тело глухо ударилось о землю и покатилось, размахивая руками, в угол... Форменная фуражка с парусиновым верхом описала по полу полукруг и легла засаленной подкладкой вверх...

В углу урядник сперва привстал,—бычачьими глазами метнул куда-то в сторону,—а потом свалился на бок, стукнув стриженой головой об стенку, и, напоминая бобыля, тонко по-заячьи пискнул.

— Ай!.. Ай!..

Ив. Баранкевич.

Умственная жизнь Белоруссии, как и политическая, сначала была предоставлена самой себе, сосредоточиваясь вокруг своих политических центров: Полоцка, Турова и Смоленска, затем тяготела к Киеву, наконец, ее пропитал польский элемент и уже только в конце концов устанавливаются более тесныя связи с Великороссией, но и теперь движение было не центростремительным, а скорей центробежным.

Белоруссы заняли громадную территорию, **охватывающую целиком почти шесть губерний: Гродненскую, Виленскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую, Смоленскую и некоторые смежные уезды, прилегающих к ним губерний.**

Вся эта обширная территория, именующаяся Белоруссией, в географическом отношении предоставляет сплошную равнину, ка которой попадаются отдельные точки, поднимающияся в общем не более тысячи футов над поверхностью моря.

Возвышенности эти, представляя целый ряд холмов на возвышенных равнинах составляют один общий ряд возвышений, пересекающих всю Белоруссию в юго-восточном направлении, кроме того все равнинное пространство, заключающее Белоруссию, неодинаково поднято над поверхностью моря.

В общем Смоленская губерния лежит гораздо выше соседней Могилевской губернии. От Могилевской губернии местность постепенно понижается по направлению к Припяти, долина которой, особенно верхкяя часть ее с притоками Пиной и Яцольдой представляют глубокую котловину, которая тысячелетие тому назад, была залита водою, образуя внутреннее, так называемое, «Геродотово море».

До сих пор существует непроходимое болото Гричин (в 10 в. от Слуцка), которое по народному преданию будто бы и теперь имеет подземное сообщение с Черным морем.

Гродненская губеркия представляет сравнительн возвышенную равнину и, наконец, Виленская губерния представляет всхолменную местность, самая возвышенная часть которой, идет от юга-западного угла Лидского уезда, направляясь по диагонали через всю губернию в северо-восточном направлении.

Горный кряж, проходящий через Белоруссию и, носящий название Алаунского, появляется в северо-восточной части Смолекской губернии, в виде продолжения Валдайской возвышенности. Уезды Бельский и Поречский принадлежат к самым возвышенным частям губ., затем местность значительно понижается к югу, начиная от Дорогобужа. Кряж этот соединяется узким перешейком на границе Витебской и Минской губерний, входит также и в Виленскую губернию, достигая наибольшей высоты в Лидском, Ошмянском и Вилейском уездах, образуя Вилейско-Неемамские высоты; в Виленском уезде, этот горный кряж постепенно понижаясь к р. Вилии, образует котловину, окаймленную со всех сторон, кроме северной, высотами, из коих к западу Пекари, воспетые славянским гением А. Мицкевичем, образуют цепь, прорезанных оврагами, лесных холмов.

Алаунский кряж узкою полосою входит и в Могилевскую губернию, в которой образует ряд холмов. У границ Могилевской губ. с Минской, Алаунская возвышенность делается заметнее и понижается на границах Витебской губ., а вообще вся Витебская губерния носит характер постепенного перехода к Прибалтийской низменности и имеет ярко выраженный моренный характер.

В Витебской губернии известна Витебско-Невельская гряда, тянущаяся в меридиальном направлении через г.г. Невель и Городок.

В пределах Минской губернии наибольшей высоты достигает местность, известная под названием «Лысой Горы» (1129,8 футов) и служащая продолжением все того же кряжа, тянущегося по границе Борисовского и Минского уездов. Отсюда продолжение этого кряжа идет на Дуброво, Залесье, Койданово, Кондратовичи, Мицкевичи, Грозово, Копыль, Клецк, образуя Белорусскую возвышенность.

Вся вышеочерченная площадь Белоруссии богата сплавными и судоходными реками. Большая часть берегов рек и озер представляет весьма живописные виды, преимущественно в Виленской, а также и в Гродненской губерниях.

Бассейны рек, прорезывающих Белоруссию, придают ей совершенно отличные черты. Так, по течению Немана и его притоков, местность холмиста, весьма живописна и разнообразна. В Новогрудском уезде (Минской губ.), Неман, протекая по северо-восточной границе, придает особенную картинность местности, вообще возвышенной, перерезанной холмами, среди коих пространные надбрежные долины, во многом напоминают живописные местности Трокского уезда (Виленской губ.), расположенной также по течению притоков Немана.

Неман своими водами орошает три белорусских губернии: Минскую, Гродненскую и Виленскую и, вытекая из болот и лесов Игуменского уезда, Минской губ., протекает мимо м. Могильно и м. Свержень и затем, после впадения в него р. Сульмы, Неман вступает на границу Виленской губ. и ниже села Турейки входит в предел Гродненской губернии. Из притоков Немана выделяется р. Вилия, протекающая по Виленской губ. до 600 верст и берущая начало из Борисовского уезда, Минской губ. Берега Вилии разнообразны и очень живописны: то крутые, высокие горы, то неприступные утесы, покрытые на вершинах густым лесом и загроможденные, разной величины, камнями.

Совершенно другое зрелище представляет побережье Днепра.

Здесь природа величественна, сурова: нет того разнообразия, той игривости картин, какия видны по течению Немана.

Днепр, большей частью, протекая среди дремучих лесов, придает окрестным местам вид мрачный, даже местами полудикий. На побережьи Западной Двины как будто сливается картинность Немана с суровостью Днепра.

Совершенно другой мир представляет нам долина Припяти, это «Городотово море». Изборожденная реками, речками, ручьями, разливами, протоками, усеянная озерами, озерками, бродами, залегаемая непроходимыми болотами, она и весною имеет вид моря, будучи почти на третью часть залита водою. Важнейшим из речных белорусских бассейнов является, конечно, Днепровский, к которому принадлежат Березина и Припять, протекающие по территории Минской губ. и составляющие, как по величине площади, ими занимаемой, так и по богатству вод, как бы два отдельных бассейна. Из других же притоков Днепра особенно выделяется Сож, протекающий по Могилевской губ. Правый берег его возвышен и местами живописен. Леса, луга, озера придают его долине особенную картинность.

После Днепра важнейшею рекою Белоруссии считается Западная Двина, принадлежащая, главным образом, Витебской губ. Берега Западной Двины высоки и круты; один берег постоянно господствует над покатостями другого.

Белоруссия, будучи столь богата текучими водами, богата также и стоячими: вся область усеяна тысячами озер, особенно в северной моренной ея части. В Минской губ. пользуются известностью оз. Выгоновское, отличающееся возвышенным положением и служащего резервуаром вод для р.р. Ясельды и Шары: замечательно также оз. Князь, находящееся в Мозырском уезде, и занимающее площадь в 43 кв. версты. (Сохранилось несколько преданий об этом озере. Одно из народных преданий говорит, что посреди озера, на острове, существовал замок, принадлежащий князьям Слуцким-Олельковичам. Один из этих князей, поссорившись со своим братом, заточил его в этот замок. Спустя некоторое время, когда князь еще был в замке, воды озера сильно поднялись, затопили остров и разрушили замок, причем погиб, конечно, и заточенный несчастный князь). В Новогрудском уезде находится живописное оз. Свитязь, воспетое и опоэтизированное великим белоруссом А. Мицкевичем. Здесь он, просиживая многие часы под тенью вековых дубов, написал свою прекрасную балладу «Свитязь», в которой выходят на сцену озерные нимфы «свитезянки».

В Витебской губ. насчитывается более 2.500 озер, из коих многие даже не имеют названия: в Лепельском у. замечательные озера: Лепельское и Герствяны. В Дриссенском—Освей (42 кв. версты); в Двинском—Сивер (39 кв. верст) и Рушона (36 кв. верст), в Себежском—Осына и Свибло, поверхность последних достигает до 14 кв. в. Самое значительное из озер Витебской губ. находится на северо-западной границе Режицкого у., а именно оз. Лубань, занимающее площадь

в 73 кв. версты. Топи и болота, окружающие озеро, доказывают, что в прежнее время оно занимало еще большую площадь. Виленская губ. богата текучими водами и озерами. Озера этой губернии очень многочисленны, их насчитывают более 400, из коих большая часть приходится на Трокский и Свенцянский уезды. Отличительный характер здешних озер тот, что они не соединены между собою реками, составляют как бы отдельные группы.

Самое большое озеро Нарочь (в Свенцянском уезде); длина его 16 в., ширина 12 в. Из других озер пользуются известностью оз. Свирь, оз. Дубо и Трокское озеро. В Новоалександровском у., Ковенской губ., занятом сплошь белоруссами, находится, отныне ставшее историческим озером, оз. Дрисвяты, запечатленное боями в эту войну. Длина его около 9 в. и ширина около $10\frac{1}{2}$ в., окружность более 40 в., глубина, местами достигает 25 сажен. В Гродненской губ. почти одна восьмая часть занята водами: реками, озерами, ручьями и болотами. Больших озер в Гродненской губ. менее, нежели в других губ. Белоруссии. Самым большим озером считается оз. Нервель, находящееся в Белостокском у., оно имеет в длину 20 в. и в ширину от 2—3 в. Небольших же озер в губернии вообще много. Наконец, в Могилевской губ. озер имеется сравнительно мало. Кроме множества рек и речек этих трех водных бассейнов, своими верховьями всецело принадлежащих Белоруссии, в 18 и в начале 19-го века в этом крае было сооружено несколько искусственных водных путей—каналов, соединяющих эти водные бассейны между собою. Из каналов замечательны следующие: Огинский, сооруженный во второй половине XVIII в. великим гетманом Огинским, для соединения реки Шары, впадающей в Неман с. рекой Ясельдой, притоком Припяти. Канал проходит через оз. Выгоновское. После Огинского канала идут каналы Березинской системы: (Сергучевский, Верейский и др.) посредством вод Западной Двины и Днепра и их вспомогательных ветвей, в виде озер, крупных и мелких притоков соединяют Балтийское, древнее Варяжское море, с Черным морем, где уже в седой древности пролегал великий водный путь из Варяг в Греки и, наконец, идет Днепровско-Бугский канал, соединяющий Белорусское Полесье с поморскими городами, с Гданском и Кролевцом. Последний из этих городов и должен будет послужить для Белоруссии, по окончании войны, выходом к морю.

Дивна и величественна, разнообразна и изменчива природа Белоруссии. Много в ней таких особенностей, каких нельзя нигде встретить. Воды, болота, земли и леса составляют канву, на которой тысячелетия избороздили самые причудливые узоры, то открывая их наготу, то закутывая гущею непроходимых лесов и болот. Южные части Минской губ. славятся своим болотным царством, образуя так наз. Пинское полесье. В северной части Могилевской губ. расположено болото под названием «Веретея» имеющие 25 в. в длину и 13 в. в ширину.

В Витебской губ. самые значительные болота расположены в северо-западной части губ. Болота, находящиеся возле оз. Лубань, о котором уже упоминалось раньше, имеют более 120 кв. верст протяжения. Большая часть болот окружает озера или примыкает к верховьям рек. Во всей губ. насчитывают до 432,000 десятин болотистого пространства. Особенно много болот в Двинском у., где некоторые из них своею величиною достигают огромных размеров. Болото Лонница, расположенное в Полоцком у., достигает до 77 кв. верст и на нем находится семь небольших озер. С севера болото Лонница примыкает к р. Дриссе, с юга к Полоте. В Гродненской губ. болота занимают 1/20 всей площади и расположены, главным образом, в южной части Бельского уезда, заселенного уже отчасти и украинцами. В Бельском уезде между реками Наревом и Лизою, Пиотковское болото имеет 22 кв. версты. Вся Белоруссия изобилует также лесами, и леса составляют ее главное и основное богатство. Самые большие лесные пространства приходятся на долю Минской и Гродненской губерний. Так называемое «Полесье» занимает три южных уезда Минской губ.: Пинский, Мозырский и Речицкий и, собственно говоря, начинаются сейчас же за Слонимом, Слуцком, Бобруйском и тянется на юг до Ковеля, Клеваня, Радомысля, включая все местности от Буга до Днепра и между Кобриным и Лоевым. Вся эта площадь составляет котловину реки Припяти, покрытую сплошными лесами и болотами и граничит с юга с Волынью и Галицией, с запада—с срединою Гродненской губ., и с севера — с возвышенною частью Минской губ., и с востока--с водоразделом по верховьям притоков Березины и Птичи. Длина ея, с севера на юг, от верховьев р. Птичи до верховьев реки южная Случь более 400 в., с. запада же на восток, от верховьев до устья Припяти более 600 в., т.-е. **весь район Полесья охватывает площадь в 24.000 версты.** В южной части Слуцкого уезда, по обеим сторонам рек: Уны, Лани. Мерочи и сев. Случи залегают также леса и болота, как естественное продолжение лесистого и болотистого полесского района. Некоторые из болот Слуцкого у. имеют свои названия, а именно: Стриж, Одрино, Жерново, Гайдзин, Гвозса, Одр. Самое значительное открытое болото, то обеим сторонам Морочи, называется «Лютень», занимает пространство около 130 кв. верст. В сев. части Мозырского у. (близь границы с г. Слуцком), частью и в Пинском, находится знаменитое болото Гричин, величаемое заливом бывшего моря, о котором уже выше было упомянуто. Болото Гричин замечательно тем, что оно непрерывное, открытое и непроходимое. Поверхность его занимает не менее 500 верст; на протяжении 450 в. в том же Мозырском уезде тянется другое болото, начиная от левого берега р. Случи, в северной части Мозырского у, среди этого болота находится уже упомянутое озеро Князь. Четыре пятых пространства Мозырского уезда составляют непроходимую низменность, покрытую лесами и болотами. В Речицком и Бобруйском уездах также много болот. Почти две трети Минской губ. находятся под лесами и болотами. В Гродненской губ. существуют еще две пущи: Беловежская и Гродненская, которым нет подобных в целой Европе и, которые могут быть сравниваемы разве с непроходимыми лесами на севере России. Леса Беловежской Пущи по справедливости могут быть названы девственными, ее трущобы, ее непроглядная глушь напоминают первобытные времена. Беловежская пуща занимает значительную часть Пружанского у., врезываясь оконечностями в Гродненский, Волковысский, Бельский и Брестский уезды Беловежская пуща отстоит от Гродна на 90 в., от Пружан—на 20 в. и от Брест-Литовска—на 50 верст. Пространство, занимаемое пущей, составляет **112.000 десятин или 1.076 кв. верст;** в том числе собственно под лесом находится 88.000 десятин или 845 кв. верст. Поверхность в средине несколько возвышена, легко склоняясь во все стороны, дает разнообразное направление рекам и речкам, через нее протекающим. Восточная часть ее слегка заболочена. Главная древесная порода пущи: сосна (40%), ель (20%), дуб (3%); кроме того, здесь растут ясень, липа, береза, ольха, клен, осина, вязь, осокорь, пихта и др. В Беловежской пуще сохранились представители исчезнувшей первобытной породы животных—зубров (bos bisonis) ровесников животных, живших в каменном веке, т. е. в эпоху северного оленя.

Одна треть пространства соседней Виленской губ., а именно до 1.440.000 дес. находится под лесом. В прежние времена знаменитейшею пущею в Виленской губ. считалась Рудниковская в Трокском у. Она тянулась раньше от м. Рудника до р. Немана и имела в длину более 70 в., славилась своей обширностью и густотою. В Лидском замечательны Докудовские дубовые леса. К указанным выше лесам и пущам относятся также и Августовские леса, занимающие почти весь Августовский у и смежные с ним части Сейнинского у, Сувалкской губ., (этнографически тоже относящихся к Белоруссии), и составляющих естественное продолжение лесов Гродненской и Виленской губ. Значительная часть Витебской, Смоленской и Могилевской губ. также покрыты лесами и перелесками, и смежные с ними Брянский и Трубчевский у.у., — Орловской губ., Жиздринский и Масальский у.у.—Калужской губ., а также южные части Торопецкого, Опочецкого, Великолуцкого уездов—Псковской губ. и вся северная часть Черниговской губ., (этнографически

являющихся тоже белорусскими) представляют собою все то же однородное характерное Полесье. За Брянском начинается густой бор, в котором резко выделяется сосна, хотя и смешанная с другими видами лесных деревьев. Лесные насаждения этого Брянского и Жиздринского Полесья были раньше чрезвычайно густы. Некогда огромные дубовые леса Жиздринского у. и липовые Брянского сохранились в настоящее время в виде небольших рощ и перелесков.

Разнообразие орографических элементов, слагающих поверхность Белоруссии, обусловливает и разнообразие типов описанных выше водоемов и водных артерий.

В Белоруссии имеются на лицо всевозможные формы рек—от зародышевых рек-протоков между озерами «моренной страны» Витебской губ., от временно пропадающих карстовых речек Бельского у, Смоленской губ.,—до мощных водных артерий Немана, Западной Двины, Днепра, Припяти, наконец, до оригинальных Полесских рек с их естественными дамбами по берегам (накопленными речными отложениями), через которые переливается полая вода, затопляя окрестные низины и превращая их в жидкие болота... Озера «моренной страны» Витебской губ., несомненно также отличаются от озер верховьев Зап. Двины с одной стороны и еще более резко от болотистых озер Пинского Полесья. Наконец, торфяные болота среди моренных холмов Витебской губ.—далеко не то, что представляют из себя более жидкие Пинские болота. И в Смоленской губ. на-лицо разные типы болот (происшедшие из заболоченных озер и самостоятельные — вследствие высокого стояния грунтовой воды). К сожалению, изучение физико-географических особенностей всех этих гидрографических элементов края, находится только в зародыше.

Белоруссия была отчасти или целиком морским дном в большинстве геологических периодов (в которые им была вообще поверхность Европ. России). Но остатки отложений этих периодов здесь, вообще, довольно редки: на севере—вследствие мощного развития пелены ледниковых отложений, скрывающих нижележащие породы, на юге—вследствии плоской, заболоченной местности без естественных обнажений горных пород, на востоке—вследствие сравнительно слабого размывания здешних возвышенностей, одетых большею частью значительными массами лесов и малодоступных размыванию, а также и из-за непроницаемости для воды здешнего, почти сплошного, толстого слоя моренного суглинка, покрывающего коренные породы. Самыми древними геологическими образованиями в Белоруссии являются песчано-глинистые и частью известняковые отложения, найденные близь с. Раванич, Игуменского у. и относящиеся к кембрийской и нижнему отделу силурийской системы. Затем следуют образования девонской системы, распространенные в северной трети края, т. е. во всей Витебской губ., в северной части Могилевской губ. и в зап. части Смоленской, т. е. они служат ложем для «моренной страны». Они состоят частью из доломитов (средне-девонских), как напр., в обнажениях по Зап. Двине, в 10 в. выше Витебска, частью из известняков, как напр., в обнажениях по Днепру близь Смоленска и Орши, частью из песчаников с остатками рек—в Витебской же губ. Отдельные выходы девонских отложений существуют и южнее Смоленско-оршанского возвышенного клина, по р. Сожу. Эта площадь девонских отложений является связующим звеном между девонскими образованиями южной белорусской части Псковской губ.; и девонскими отложениями западных частей Калужской и Орловской губ. с их Жиздринским, Брянским и Трубчевским уездами (этнографически являющихся тоже продолжением Белорусской территории). Следующие за девонскими — отложения каменоугольной системы захватывают весь «Оковский лес» и, собственно говоря, выходят уже за пределы этнографической Белоруссии. Средний отдел каменноугольной системы состоит в Бельском у. из известняков с плеченогим Productus giganteus и др. характерными окаменелостями, перемежающимися с разноцветными глинами. Весьма значительное развитие в Белоруссии имеют отложения верхнего отдела меловой системы. Все дно Полесской низменности выстлано ими. Восточнее, весь пологий склон от Смоленско-оршанского возвышенного клина по направлению к сев. части Черниговской губ. между Днепром и Десной, в пределах южной части Могилевской губ. и значительной части Рославльского у. состоит также из осадков этой системы. В Могилевской губ. наилучшие разрезы слоев этой системы наблюдаются в м. Гейшине Быховского у., в г. Черикове и в с. с. Мироющих и Вехрянах Чериковского у. Под Полесскою низменностью, как показывают буровые скважины, верхнемеловые отложения состоят из довольно рыхлого мела с кремнями и водоупорных белых меловых мергелей. Восточнее Днепра в Могилевской и южной части Смоленской губ., кроме этих меловых пород, известны также зеленовато-серые глинистые пески со сростками. твердого кремнистого песчаника, принадлежащего к той же системе. На меловые отложения в южн. части Могилевской губ. (приблизительно до параллели г. Могилева) и в южной части Полесья (окрестности Мозыря) в виде островков налегают образования третичной системы, переходящие сюда из соседних частей Черниговской и Волынской губ. и относящиеся к самому нижнему отделу этой системы—эоцену. Особенного внимания заслуживают мощно развитые в северной половине Белорусской области ледниковые образования, слагающие собою весь своеобразный рельеф «моренной страны»—Витебской губ. и сев. части Смоленской губ. Местами в Белоруссии можно наблюдать и хорошее развитие дюн, как наприм., по всему южному берегу обширного и ветвящегося оз. Иван (Невельского у.), а также и в Полесьи против г. Мозыря, на левом берегу Припяти и в окрестностях оз. Князь. Последние носят характер длинных песчаных холмов, покрытых лесом. Новейшие озерно-болотно-речные отложения Полесской низменности состоят обыкновенно из желтых или мелкозернистых песков, со слоями ила и серовато-синих аллювиальных глин под ними. Третичная формация занимает юго-зап. часть Новоалександровского уезда Эта формация состоит из песков и глин с прослойками бурого угля или лигнита Горные породы, образующие поверхность Гродненской губ. также относятся к третичной формации. Породы, относящиеся к древнейшим формациям, девонской и силурийской, обнажены только в некоторых отдельных группах небольших холмов, в которых окаменелости, как морских, так и речных животных, перемешаны одни с другими. По берегам Немана, Буга, Муховца и Ясельды при сильных ветрах образуются песчаные ураганы, переносящиеся на значительное пространство. Около Гродно по Неману распространены породы меловой формации, заключающие в себе остатки белемнитов. По Бугу встречаются залежи гранита, переходящего пониже в гнейс. Горные породы Виленской губ. принадлежат к нижнему ярусу той же третичной формации, кроме северной ея части, где показываются песчаники девонской формации, нижний ярус эоценовой формации, т. е. третичной, состоят из сланцеватой глины, кремнистого песчаника, грубо-зернистого известняка, мергеля, меловида, рухляков и гипса. Все эти породы расположены неправильно перемежающимися пластами, перемешаны между собою. Моренные осадки перемежаются с пресноводными. На всем протяжении губ., как на поверхности, так и на небольшой глубине попадаются эрратические валуны, занесенные льдом или водою во время одного из земных переворотов.

Полезными ископаемыми Белоруссия не богата. Железные руды в наших угольных отложениях восточной части области встречаются в ограниченном количестве: они мало известны и мало разработаны, как и железные руды девонской системы в Витебской губ., намек на существование которых мы видим в развитии здесь местами железистых источников. Несколько более известны болотные железистые руды Полесья, встречающиеся преимущественно в его восточной и юго-восточной частях, но обладающие большим содержанием фосфора. Болотная руда встречается также в Трокском и Ошмянском уездах, Виленской губ., но в перемежку с известняковым туфом. На присутствие их

в болотах указывают радужные частицы вивианита. Болотная руда в виде тонкого пласта железной сини попадается в русле Днепра против ст. Быхова. Болотная руда встречается в Речицком и Борисовском уездах, Минской губ., а также в Бельском и Духовщинском уездах, Смоленской губ. Бурый уголь, мощностью в 4 фута, встречается на глубине 5 саж. близ дер. Прудка, в 9 вер. от г. Мозыря. Фосфориты из меловых отложений разрабатываются в дер. Сеще и в с. Бельском, Рославльского уезда. Янтарь изредка встречается в синеватой глине около с. Любязи, Минского у., недалеко от Припяти; гончарные глины каменноугольной системы близ д. Юдиной, Бельского у. (на Днепре). Такие же глины известны в Бельском у. по течению р. Зап. Двины. Глины для кефального производства добываются близ д. Сметанки, Горецкого у., Могилевской губ., на левом берегу Днепра, верстах в 14 выше Орши и в пригородной слободе г. Смоленска—Рачевке. У г. Копыся из местных глин третичной системы приготовляют терракотовые украшения для печей, каминов и статуеток. Кирпичное производство, основанное на местных глинах, развито близ м. Сверженя, Рогачевского у. и д. Лебетовки, а также в Гомельском у возле д. Упорицы и под Смоленском, и Минском. В Чаусском у. найдена огнеупорная глина третичной системы. Огнеупорные глины известны в Дорогобужском у. Известняки и доломиты девонской системы развиты по Зап. Двине в пределах Витебской губ. близ самого г. Витебска (в Бобичской вол.), под Двинском, в Полоцком и Дриссенском у.у., а также кое-где вдали от Двины — в Городокском, Себежском и Режицком у.у. Известняки разрабатываются и в Могилевской губ. Известковый туф встречается в Смоленском и Рославльском у.у. Песчаники, как строительный материал весьма невысокого качества, разрабатывались прежде возле м. Лоева, Речицкого у. Около Гродно по Неману распространены породы меловой формации, заключающие в себе остатки белемнитов. По Бугу встречаются залежи гранита, переходящего пониже в гнейс. В Поречском у. из валунов делают жернова, тумбы, памятники и проч. Охра, годная для производства краски, встречается на реке Соже, близ д. Потемкина, Краминского уезда и в Горецком у. Мел встречается в южных частях Смоленской и Могилевской губ. Лигнит преимущественно находится в Лидском у., Виленской губ. Торф в Белоруссии имеет громадное развитие, но до сих пор мало эксплоатировался на топливо, вследствие обилия лесного материала в крае. Среди здешних торфов можно различить моховой, листовой и травяной—тростниковый. Моховой торф особенно распространен в котловинных болотах Витебской губ. и сев. части Смоленской губ., а листовой и травяной — в Полесьи. В восточной части Полесья мощность торфянников доходит до 3-х сажен. Самые мощные отложения торфа встречаются в с.-в. углу Полесской низменности — в долинах рек: Жердянки, Сведы и Вити. Минеральные источники в Белоруссии вообще мало исследованы. Железистые ключи находятся близ д. Аделинова в 30 вер. от г. Люцина, Витебской губ.; «Подольские» железистые воды Режицкого у. находятся в 20 вер. от того же г. Люцина. Борковщизненские серно-железистые источники расположены в 25 вер. от г. Лепеля. Эксплоатирующийся серно-железистый ключ находится в $1\frac{1}{2}$ вер. от м. Креславки, Двинского у. в Погулянке). «Известные серные воды по Аглонь у оз. Гереш того же Двинского у., а также и в Студенце Невельского уезда.

В Могилевской губ. встречаются углекисло-железистые ключи в Оршанском и Мстиславском у.у. (близ м. Любовичи и д. Большой Слободы). В Рогачевском у. известны ключи у д. д. Троицы и Рудино, в Сеннинском у. близ фольварков Ульяновка, Пожепок и с. Овсищи; в Могилевском у., близ м. Тетерина и, наконец, в Чаусском у близ д. Слобода (Горской вол.). В Виленской губ. минеральные источники находятся в трех местах в Трокском у., а именно: в Стоклишках, в 70 вер. от г. Вильно, в 50 вер. от г. Трок и в 15 вер. от р. Немана, где они состоят из трех источников: серного, соленого и железного; в Немонайцах, близ м. Олиты, в ста шагах от берега р. Немана находится ключ соленой минеральной воды. Третий минеральный источник находится в Барштанах в Трокском у., на правом берегу Немена. В Гродненской губ. пользуются большею известностью Друскеникские минеральные источники, находящиеся на правом берегу р. Ротничанки, при ее впадении в Неман, на границе Трокского и Гродненского уездов. Друскеникские воды стали известны еще в 1790 году, но настоящей известностью начались пользоваться лишь с 1837 года *). В Минской губ. начинает пользоваться известностью курорт Песочное, на берегу р. Немана.

Почвы Белоруссии не отличаются хорошими качествами: это большею частью подзолы и пески, частью супески и суглинки, а в Полесье в значительной мере болотные почвы. Подзолистые почвы преобладают в Смоленской губ. Типичный подзол, развитый на краснобурых моренных суглинках, представляет собою почву сверху серую, а снизу почти белую, состоящую из массы, мушистой в сухом состоянии и вязкой во влажном и притом очень богатой кремнеземом. В подзоле находится нередко более 70 проц. мелкозема в виде кварцевой пыли. Этот мелкозем с жадностью всасывает влагу и удерживает ее продолжительное время, обращаясь в вязкую, тестообразную массу. При высыхании он затвердевает, образуя корку или обращаясь в пыль. По бедности химического состава и по физическим свойствам, типичный подзол является одной из самых неплодородных почв и требует большого удобрения. Болотные почвы Полесья представляют собою перегнойно-минеральные образования иловатых или травяных болот и кислых лугов. Широко распространенные в крае подзолистые почвы весьма часто при избыточном застое влаги, переходят в болотные, которые тогда являются разбросанными среди подзолистых, отдельными пятнами. В болотных почвах встречаются и другие примеси. По отдельным губ. почвенный покров Белоруссии представляется в следующим виде: в Виленской губ. почва большею частью глинистая и песчаная. Черноземная полоса идет от м. Бутримансы, по Трокскому у. через Езно, Пуне, Жижморы и Жосли, переходит на правый берег р. Валки и занимает сев. часть Виленского, Свенцянского и Дисненского у. у. Песчаная полоса идет от окрестностей Вильно на юго-запад по направлению к р. Неман до м. Мереча, Трокского у. Болотистая почва находится в южной части Ошмянского и в Вилейском у. В остальных местах преобладает глинистая почва, кое-где перемешанная с песком. В Гродненской губ. почва состоит тоже из смешанных песков с глиною и отчасти с мергелем. Местами почва болотистая, или же состоящая из сыпучих или летучих песков. Чернозема очень мало. Там где пески слаживаются с глиною, почва малоплодородна. В Минской губ. на-ряду с песчаными и супесчаными почвами встречаются в значительном количестве и болотистые почвы, а также и глинистые, последние и являются как более плодородными почвами Минской губ. встречаясь на значительном протяжении Слуцкого и Новогрудском уездов. В Могилевской губ., как и в смежной с нею Смоленской губ., преобладают подзолистые суглинки, переходящие на границе с Витебской губ. в типичные подзолы. Чериковский и Климовичский у. у. имеют песчаную почву. Самая плодородная почва Могилевской губ., состоящая из подзолов, находится в Мстиславском, Быховским и отчасти в Горском у. В Витебской губ. в перемежку встречаются в центре губ. супески, в южной и северной частях губ. типичные подзолы и дальше за ними следуют подзолистые суглинки. Северная и южная части Витебской губ. изобилуют моховыми торфянниками. По берегам Днепра, Сожа и Припяти встречаются поймеые почвы и наконец все Полесье характеризуется травяными и тростниковыми торфяными почвами.

Д. Соболевский.

(Продолжение следует).

*) В Друскениках в настоящее время имеется благоустроенный курорт с парками, галлереями, купальнями и вокзалом. Друскеникский сезон начинается в половине мая и продолжается до октября.

ЦИФРОВЫЕ ДАННЫЕ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ В БЕЛОРУССИИ.

Культурная площадь земли Белоруссии определяется свыше 5.702.067 десятин. (27,8% всей площади). В посевном отношении земельная культурная площадь Белоруссии распределена след. образом.

Под посевами ржи (озимой и яровой) было занято более 1.655.398 десятин всей засеваемой площади. Засеваемая овсом площадь составляет 728.207 десятин, ячменем—315.373 десятины, гречихой—254.747 десятин. Что касается остальных зерновых хлебов, то они составляют только 2,3% всей культурной площади, в том числе и 59.863 десятины составляют площадь под посевами пшеницы.

Из корнеплодов в Белоруссии повсеместно разводится картофель, он занимает площадь 202,580 десятин; из стручковых растений: горох и чечевица занимают 67.602 десятины. Из технических растений сеется, главным образом, лен и конопля. Лен занимает площадь в 118.998 десятин, а конопля 0,5% всей площади и только 0,7% составляют площадь других растений: рапса, табаку, кормовых трав и др.

Хотя земледелие в Белоруссии и составляет главное занятие населения и основной источник его благосостояния, однако, сельское хозяйство до сих пор стояло сравнительно на низкой ступени развития. Основной причиной слабости развития сельского хозяйства следует считать бедность области и недостаточность агрономического образования. Улучшения разного рода можно было бы производить, и они необходимы и возможны.

Системы ведения хозяйства на Белоруссии встречаются самые разнообразные, как-то: переложная, многопольная, однопольная, двухпольная, трехпольная и четырехпольная. Однопольная и двухпольная практикуется преимущественно малоземельными крестьянами. Во многих местностях практикуются исключительно лишь эти две системы. Таков, например, весь Бобруйский уезд, Минской губернии.

В отношении почвы, Белоруссия является далеко не плодородной. Преобладающие типы почв: болотистая, глинистая, песчаная или подзольная.

Обработка земли, главным образом, производится плугами, хотя еще повсеместно встречаются деревянные сохи.

Из сельско-хозяйственных орудий встречаются изредка молотилки, веялки и жатвенные машины.

Средняя урожайность зерновых посевов в Белоруссии представляется в следующем виде: (в четвертях) рожь озимая—6,6: пшеница озимая—6,3: овес—9,3: ячмень—6,5: гречиха—4,9: горох —5,0: картофель—55,5.

Из зерновых хлебов в Белоруссии больше всего собирается так называемого «продовольственного» хлеба, т.-е. ржи и пшеницы: 6.868.000 четвертей ржи, 152.000 четвертей пшеницы. Далее следуют: овса—5.100.000 четвертей, ячменя—1.451.000 четвертей и, наконец, гречихи—542.000 четвертей.

Из технических растений ежегодно сбор достигает: льна-волокон—3.089.871 пудов, семян—2.257.400 пудов, пеньки-волокон—1.001.915 пудов, семян—809.897 пудов.

Огородничество не представляет собою в Белоруссии отрасли промышленности, а огородные овощи разводятся в размере удовлетворяющем собственные потребности производителей, причем некоторые излишки сбываются тут же на месте.

В некоторых уездах Витебской губ.—Режицком, Лепельском и Двинском—крестьяне начали заводить промышленное огородничество.

Из огородных овощей разводят преимущественно репу, брюкву, капусту всех сортов, огурцы, салат, хрен, ранний картофель, лук, морковь, петрушку, сельдерей, цикорий, бобы, фасоль, горох, мак разных сортов и т. д.

В Могилевской губ. промысловое огородничество начинает развиваться в Гомельском, Чериковском, Мстиславском, Рогачевском и Быховском уездах.

Садоводство развито больше всего в Могилевской и Смоленской губ.

Около городов Могилева, Черикова, Гомеля и Мстиславля не редкость встретить промышленные сады.

Произрастают яблоки, груши, вишни и сливы; урожайность преимущественно средняя.

Хмель, как культурное растение не производится, исключение составляет город Слуцк, Минской губ., где есть школа хмелеводства с хмельником.

Статистик.

БУДУЧЫНА ВІЛЬНІ.

На моцы Бярэсьцейскага трактату, Вільня залічана да маясцоўвасьцяу, якія «выходзяць з-пад дзяржаунага уплыву Расіі», альбо інымі славамі, Расія страціла Вільню і, быць можа, на заусягды. Раз так, дык само собою паустае пытаньне: што-ж будзе з Вільняю, як уложыцца будучына гэтай даунейшай сталіцы Вялікага Княжаства Літоускага - Рускага? Трэба прызнацца, што пытаньне гэтае мадта заблутанае, і развязаць яго будзе надта цяжка; гэта нешта накшталт Гордыева вузла, які можна было толькі рассеч, але ні развязаць. І папраудзі, прыглядзімся пільней да цяперашняго станавішча гэтае справы.

Вільня — найвялікшае і найбагацейшае места усяго Беларуска-Літоускага Краю, а ні аднае толькі этнаграфічнае Літвы. У іой крыжуюцца інтарэсы вялікага краю з плошчаю больш як 300 тыс. кв. кілёметрау і з насяленьнем каля 15 мільёнау. Насяленьне гэтае у розных часьцях краю рознае. У паўночна-заходнай часці краю—кампактная маса жыхароу літоускіх віосак, у паудзіовай і усходняй часьці — такая жэ кампактная маса беларускіх селян. Усе места і мястэчкі перапоунены жыдамі, а немаль усе дварэ, як у літоускай, так і у беларускай часьці, належаць да польскіх паноу і служаць «польскімі пляцуукамі на крэсах». Значная часьць мешчанства вялікіх мест нашага краю, як Вільня, Мінск, Коуня, або Гродня, так сама спольшчана і барджэй можа быць залічана да палякау, чым да беларусау, альбо літоуцау.

Перад усясьветнаю вайною Вільня служыла эканамічным, культурным і палітычным цэнтрам нашага краю. Гэта быу найболяй насялённы пункт з найбольшым лікам фабрыкау і заводау, займаушы найболяй карыснае геаграфічнае палажэньне у сярэдку краю і разам с тым нідалёка ад граніцы, пад ракою Вільіою і на мейсцы перакрыжаваньня трох важных жалезных дарогау. Варункі складаліся так, што у Вільні ніколі ні заціхало самае кіпучае палітычнае жыцьцё. У Вільні радзіуся і акрэпнуу беларускі нацыанальны рух. У Вільні жэ пачалі сваю працу найпаважнейшыя установы Маладой Літвы.

Да эканамічных спрэчнасьцяу прымешваюцца і гістарычныя успаміны. Адбудоуваючы незалежную Літву, літоуцы ні могуць адрачыся места, праз цэлыя соткі гадоу бышага іх сталіцаю. Дзеля гэтага ядняго яны будуць бараніць яе да апошняго, тым боляй яшчэ, што яны ні маюць жаднага другога места, якое-б магло заступіць Вільню. Мы маемо Мінск, а літоуцы? Коуня, хоць і ляжыць пасярод этнаграфічнай Літвы, ні можа заступіць Вільню, бо знайходзіцца у баку ад важнейшых эканамічных трактау краю. Памясціць сталіцу Літвы у Коуні, — гэта значыло-б разлучыць палітычны цэнтр з культурным і эканамічным. Сілау у літоуцау ні шмат, і такое шыкаваньне ні у якім разе дапушчано быць ні можэ. Апрача гэтаго, сталіца Літвы ні можэ быць у Коуні і дзеля іншых рэзонау. Коуня занадта блізка ляжыць ад Прускае граніцы, і нямецкія уплывы маюць вялікую моц над яе жыцьцём. Памясціць літоускую сталіцу у Коуні, — гэта значыць падставіць маладую, ніумацаваушуюся літоускую дзяржаупасьць і літоускую культуру пад самы шалёны агонь наступаючага германізму. Такога агню яны вытрымаць ні могуць і павіанны трымацца здалёк ад яго.

Значыць, літоуцы **мусяць** рукамі й нагамі трымацца за Вільню. Але уся бяда у тым, што самае места мала мае у сабе літоускаго і у дадатак да гэтаго стаіць пасярод чыста беларускіх віосак. Навокала яе на якіх 25—30 верст зусім ні чутно літоускае мовы. Селяне гавораць па беларуску, дамешваючы да свае гутаркі нікаторыя польскія словы. Бязспрэчна-беларускі характер Віляпскіх аколіцау, — найглаунейшая прычына нашай зацікауленнасьці у будучыні Вільні. Літоуцам, каб узяць Вільню, — дык трэба загарнуць і нашыя віоскі, што ляжаць

навекала яе. А на гэта мы з добрай волі ніколі згадзіцца ні можам. І усе, у ком жыве беларуская душа і б'ецца беларускае сэрцэ, павінны устаць, як адзін, процiу усякіх пробау разарваць на часьці наш многапакутны народ, бо іначай значная устужка беларускай зямлі, ні пасьпеушы выцярабіцца з аднае няволі, пападзе у другую, яшчэ горшую. Новасьпечаныя літоускія імпэрыялісты, ні маючы можнасьці самым даканаць сваіх мэтау, зьвярнуліся да Нямеччыны, цяперашняго Вярхоунаго Судзьдзі у справах захаду бышай Расіі, абіваюць парогі нямецкаго канцлера, вярхоунага каманданьня і самаго Вільгэльма, але покі што надарэмна. Немцы рады былі-б так ці іначай за добрую заплату развязаць гэтае пытаньне, але яны ясна бачаць усю заблутаннасьць справы і ні надта спяшаюцца. А што гэта так, — можна пераканацца з ніжэй-паданага нами факту.

Адным з ковянскіх баронау Роппау у Бэрліні заложано «Нямецка-Літоускае Таварыство», якое и выдае двутыднiовую часопiсь «Das neue Littauen» («Новая Літва»). На першым сходзі гэтаго таварыства выгаласіу праграммную прамову Смэтона (Сьмятана), старшыня Літоускае Краіовае Рады. Яму адказвау проф. Дэльбрюк. Парушыушы пытаньне аб Вільні, іон сказау больш.-менш. так: «Вільня мне выдаецца асаблівым местам ва усім сьвеці, З аднаго боку, літоуцы хацелі бы мець у іой сваю сталіцу, з другога, — яна ляжыць на этнаграфічнай тэрыторыі беларускаго народу і рэшці юсьць зусім полька-жыдоускім местам, і лік літоуцау у іой выносіць ледзьвя некольки працэнтау».

Дык як жа такі быць у канцы канцоу? Ці мы заужды будзямо толькі калаціцца паміж сабою, вытвараць адзін аднаму нiпрыемнасьці і лазіць да немцау са скаргамі і нагаворамі на суседа? Літоуцам Вільня патрэбна, гэта так; але і мы, беларусы, маемо ні меньшае права на гэтае старажытнае место; без яго Беларусь ні можа жыць, як рыба без вады, і адрачыся ад яго мы ні можам. Ці ні лепяй было-б выбраць с-паміж нас самых разумных, шчырых і спакойных людзей і даручыць ім дэталічна разгледзіць гэтае пытаньне і згодна прыйсці да такой постановы, якую-б маглі прыняць абодва пароды, якая-б нікога ні крыудзіла і давала кажнаму можнасьць вольнага поступу у культурным і эканамічным жыцьці? Я ні буду гаварыць аб тым, да чаго дайшла-б гэтая паеднаучая камісія; гэта цяпер цяжка адгадаць, — адно толькі падкрэсьлю, што паразумецца нам **конча** патрэбна **самым**, бо калі мы будзем толькі вадзіцца і спрэчацца, дык з гэтага на нашую бяду скарыстаюць толькі нашыя дужыя суседзі.

Павал Любецкі.

В Зарубежной Белоруссии.

ФАКТЫ и ВПЕЧАТЛЕНІЯ.

(Из жизни оккупированных мест.

Город старый—Быхов.

Один из уездных центров немецкой власти.

Куда не ступишь, на чем не остановится глаз—везде видна немецкая оскаленная пасть, злая и настороженная.

Полное царство того «немецкого порядка», о котором, в бурные дни революции, мечтал обыватель-горожанин, в тайне поджидая «избавителей».

Немецкие часовые, недоверчиво поглядывающие из-под касок на прохожих. Коменданты. Заставы.

Об'явления и таблицы на немецком языке.

Заборы заклеены безчисленными приказами, переведенными с немецкого языка на еврейский, польский, русский.

Тон всех приказов повелителен и категоричен.

В конце обязательная угроза: вечная каторга, тюрьма, штраф, расстрел...

В обращении немцы лаконичны.

В большинстве случаев их обращение к белоруссам заключается лишь в двух словах:

— Halt! *).

— Zurück! **).

Это до обиды напоминает обращение борзятника-хозяина к своей послушной собаке:

— Пиль!

— Тубо!

— Halt! Zurück!—Эти слова вы услышите на каждом углу, в любом переулке, во всех официальных учреждениях, во всякое время дня и ночи.

Иногда вам кажется, этот оскорбительный окрик безпрерывно сам собой звучит в воздухе.

Смысл этих двух слов обыватель понял и усвоил, главным образом, не рассудком, а инстинктом, не умом, а всей своей сущностью.

— Halt!—и он останавливается.

— Zurück!—и он поворачивает обратно.

За малейшее промедление удар приклада.

Своеобразная дрессировка. Своеобразный человеческий зверинец...

Каким городской обыватель выглядывает внешне?

Пуглив, послушен, осторожен.

В голове одна идея, одна мысль—как бы не попасть в опасность, как бы остаться целым.

Понурыя фигуры. Тусклыя лица. Замогильные голоса. Безпрерывныя жалобы на свою участь...

Таков Старый-Быхов.

Раздвиньте эту рамку пошире и получится внешний облик всей оккупированной Белоруссии...

Быхов—стоячее болото.

Но бывают моменты, когда это болото оживает и начинает волноваться. Оживает по болотному. Не бурныя волны, а сонная рябь. Колыхнется и замрет.

И опять в глуби этой кажущейся спокойной и метрвой тины продолжает работать всепожирающая немецкая пасть...

Вот и сейчас на мгновение ожило это людское болотце.

Испуганныя лица; заплаканные глаза.

Женщины, старики, дети.

Мечутся по улице, толпятся на тротуарах, шепчутся, вздыхают.

— Что такое случилось?—спрашиваю у какой-то старушки.

— Расстреливать немец будет... Сейчас поведут этого самого... Жданового сына...—сбивчиво отвечает она.

— Тра-та-та!... Тра-та-та!.. — затрещал вдали барабан.

Люди заметались еще больше. Кто-то заплакал. Кто-то всплеснул руками. Двумя стенами обступили мостовую. Застыли.

По улице движется какой-то кортеж. Все ближе, ближе.

Несмолкая трещит барабан. Блестят штыки.

Они рядом.

Впереди барабанщик, тучный рыжий немец.

В квадратном порядке идут с винтовками на плечах четыре немецких солдата. Молчаливы, угрюмы.

В средине осужденный.

Мужчина лет 32. Босый, оборванный. Руки скручены сзади веревкой. Лицо бледное, как мел. Глаза блестящие, острые.

Идет,—гнется,—шаркает босыми ногами по булыжникам мостовой.

Посмотрел в сторону—как видно, знакомого приметил,—что-то заговорил.

Говорит, а голоса не слышно; трещит и грохочет проклятый барабан.

Сзади, замыкая шествие, идет толпа местных крестьян. Много плачущих женщин. Солдат-инвалид на костыле машет рукой, выкрикивает какие-то слова. Наверное, родственники провожают несчастного.

Глазеющая публика присоединяется к шествию и толпа ежеминутно ростет. Ростет и катится по широкой улице в конец города, на место казни.

— Пойдем и мы,—предлагает мне юркий господинчик с мышиными глазками.

С каким удовольствием тяпнул бы кулаком этого гнусного обывателя!

*) Стой! ** — Назад!

— Оставьте меня в покое,—резко обрываю его и поворачиваю к себе в гостиницу.

Хозяин гостиницы—любезный, общительный старик—поведал мне историю осужденного.

Перед уходом советской власти из Быхова, от города эвакуировавшийся совдеп потребовал сорок человек для зачисления в красную армию. В число избранных попал и Ждан. В силу каких-то обстоятельств он вскоре вернулся из Советской России и мирно зажил в своем доме, занимаясь хозяйством. Нашлись доносчики. Ждана арестовали. Немецкая военная власть инсценировала причастность Ждана к шпионской организации. Трепанная бумажка с цифрами, найденная при аресте, определилась подсчетом немецких сил и легла в главу обвинения. Судили. Приговорили к расстрелу.

— А вообще, кто он такой, этот Ждан? Партийный человек? Участвовал раньше в революционном движении?—полюбопытствовал я.

Собеседник отмахнулся:

— Какой там партийный... самый обыкновенный крестьянин, да еще и больной.. немного на голову слаб... У нас его все знают—не человек, а теля....

— Но ведь это же простое убийство...

— Безусловно...

— Какая же цель у немцев?

— Цель очень ясная... Приближается время реквизиции хлебов. Крестьяне поднимают шерсть. Немцы видят это и, со своей стороны принимаю меры. Вот и взялись за расстрелы: думают запугать... Это уже третьего расстреливают...

..Поздней ночью, лежа на кровати, я слышал через открытое окно рассказ о казни. Голос был женский, Как видно у калитки судачила прислуга.

— Стал он у паркана, как листочек трясется... И яма ему тут выкопана... Глаза это завязали... Плакал, сильно плакал, что дитя малое... «За буржуев поганых, говорит, погибаю»... Немцы отошли так шагов на десять... Приложились, как один,—и «трах»!.. Даже не крикнул, бедняжка... Немцы за ноги его и волоком до ямы... точно не человек это, а собака... Вот звери-то окаянные!.. Господи, и когда эти страхи пройдут... Народ-то, как мучается...

Пауза.

Слушавший рассказ глубоко вздохнул.

Глубоко вздохнул и я, лежа в постели...

Иногда здесь, в оккупированной Белоруссии, можно увидеть картину, которая, по своей жути, навсегда останется в вашей памяти.

Зрителем одной из таких картин пришлось быть и мне.

Старый «екатерининский шлях» с дуплистыми березами. Миншина.

Вперед меня плетется телега, чем-то нагруженная, с кучей ребятишек на верху. Нагоняю.

Худая, с вытертыми боками лошаденка, выбиваясь из сил, тянет скрипучую телегу.

Рядом, с опущенной головой, обвязанной большим платком, плетется беременная баба. Бьет клячонку лозиной и безпрерывно всхлипывает. Лицо вспухло от слез, под глазами видны темные круги.

На телеге, прикрытый дерюгой гроб. По сторонам, на краях телеги, жмутся пятеро оборванных и грязных ребятишек: три мальчика и две девочки.

На передке, облокотясь о гроб, сидит дряхлый старик, лет 90, белый, как лунь, костлявый и немощный.

Детишки плачут тоненькими голосками. Смолкнет один, начинает другой—и так без конца.

Дед качает седой головой, и трудно сказать: телега ли его трясет или он отбивает такт своим мыслям. Моргнет красными, подслеповатыми глазами, что-то жует.

Откуда и куда могут везти покойника?—не видно деревень ни впереди, ни сзади. А по запыленной одежде на людях и по измученной в конец лошаденке видно, что путь был далекий.

Страшные похороны...

— Что такое случилось, тетка? кого это везете?—спрашиваю бабку.

Баба повернулась ко мне и остановилась. Остановилась лошадка. Дед, заметив на мне форменную шинель, снял шапку.

Взвизгнув, баба громко заплакала и закрыла лицо концом платка.

— Сына везу, пакок. Немцы безбожные застрелили. Из города едем... Третий день вот маемся...—зашамкал мне в ответ дед.

Закашлял хрипло. Отдышался и опять зашамкал:

— Тело не хотели отдать... «Собаку, говорит комендант, где убили, там и закопать нужно». Целый день ходили до него да просили. Сколько слез пролили... Детишки по земле ползали, ноги его поганые целовали... Отдал таки...

— А за что его застрелили?

— За жизнь кашу горькую... кровопийцы они треклятые...—ответила сквозь слезы баба.

Утерла глаза и, успокоившись немного, рассказала мне кошмарную историю.

Дней пять тому назад ночью на их двор ворвалось шестеро немецких солдат кавалеристов. Потребовали сала и хлеба. Наелись. Наложили полную фуру сена. Захватили в клети трубку полотна и последний мешок муки. Прибежавших на крик и плач соседей прогнали с улицы прикладами. Платон,—так звали хозяина—решил идти за немцами до самого города. Думал: разскажу все как было коменданту и награбленное вернут. Выехали со двора солдаты; вышел следом и Платон. Что случилось в дороге неизвестно, а только на следующий день мужика нашли в пяти верстах от деревни застреляным. Тело жители ближайшаго селения представили коменданту. Началось следствие. Немецкие солдаты, ограбившие Платона, показали, что он оказывал им сопротивление при покупке ими у него продуктов. Расстреляли они его в момент, когда крестьянин, будучи арестованным, пытался, яко-бы, вырвать у одного из солдат винтовку. Немецкія власти, конечно, оказали своим «камрадам» полное доверие. В результате пришлось со слезами вымаливать труп несчастного.

— В самое лицо стреляли... антихристы...—закончила баба свой рассказ.

Постояла немного, что-то соображая, а потом подошла к телеге, сдернула дерюгу и подняла крышку гроба.

Смолкшие было дети снова заплакали тоненькими голосками.

Заплакал и дед стариковскими слезами.

В гробу лежал в новой полотняной рубахе мужчина лет 35, грудистый и широкоплечий.

Нижняя челюсть, обрамленная курчавой бородкой, была разбита пулей и сквозь разорваное мясо виднелись белые зубы и окровавленые осколки костей. Вторая рана зияла около правого глаза. Лицо почернело и вздулось. Почему-то резко бросались в глаза сложенные на груди крест-на-крест большие мускулистыя руки, бурые от загара.

— Татка наш... И как мы жить без тебя будем!.. сироты несчастныя... — заголосила баба и, взмахнув руками, упала на гроб.

Дольше смотреть на эту сцену я не мог.

— Погоняйте лошадь,—попросил я своего возницу.

Тот замахал кнутом—и телега с мертвецом осталась позади...

Гомель.

Кофейня средняго пошиба.

Торговцы. Гимназисты. Мелкие чиновники. Как угорелые, мечутся во все стороны лакеи.

Шум, гам.

В углу, скромно пьют чай трое крестьян. Здесь же на столе их сумки—как видно прибыли издалека. Тянут из блюдечек мутную жидкость, ведут вполголоса о чем-то беседу.

Вдруг совсем неожиданно в кофейню ввалилась толпа немецких солдат, с ног до головы в пыли. С винтовками. В полном снаряжении—с ранцами и сумками. Судя по всему, только, что вернулись с похода, и может быть и дальше идут.

Обступили буфетную стойку и начали заказывать кофе, молоко, закуски.

Получив желаемое, солдаты разошлись по залу в поисках свободных мест.

Сутулый, угреватый немец остановился у стола, где беседовали крестьяне.

Поставил свой стакан на стол и без всякого предупреждения потянул к себе стул, на котором сидел старший из крестьян, желтый, болезненный на вид старик.

Тот запротестовал:

— Это, милый человек, мое место.

— Твое?.. А мое где будет?—с польским акцентом произнес немец.

— Поищите и найдете,—ответил старик.

— Мне нечего искать, я уже нашел,—грубо и вызывающе бросил солдат.

И сразу освирепел и начал бушевать.

— Слезай, пся крев... Ты еще мувить мне будешь...

С последним словом немец дернул к себе стул и крестьянин упал на землю.

Часть публики хлынула к двери, часть обступила буянившаго солдата и продолжала наблюдать за происходившим. Некоторые, из более смелых, качали громко возмущаться.

У одного из столиков кучка немцев, любуясь дебоширующим товарищем, заливалась визгливым смехом.

Старик поднялся с пола и подошел к обидчику.

— Так, хороший мой, нельзя поступать,—заговорил он дрожащим голосом:—Если вам очень нужен стул—я могу уступить, а разбойничать не позволено. Я вам не скотина какая-либо... Стыдились-бы хоть на стараго человека руку поднимать. У меня такие сыновья уже есть, как вы....

Немец побагровел и задрожал от злости...

Быстрым движением снял с плеч винтовку и начал вывинчивать шомпал.

Публика шарахнулась в стороны. Не двигался с места лишь старик.

Вытащив шомпол, солдат поднес его к лицу крестьянина. На блестящей стали виднелись следы потемневшей крови.

— Видил?—злобно зашипел немец.—Этим дротом я таких собак порол, как ты. Скажи мне слово, и тебя тоже выдеру... Уходи, пока цел... пся крев...

Крестьянин, побледнев, взял со стола сумку и вместе со своими товарищами вышел из кофейни.

Немец демонстративно расселся у стола и, не обращая ни какого внимания, стал пить кофе...

У порога один из лакеев сообщил мне:

— Это они вернулись с усмирения. Тут недалеко мужики прогнали с деревни их отряд, который хлеб отнимал. Этих вот и посылали туда наводить порядок. Говорят, всю деревню засекли. Баб и тех не жалели...

— Ничего, когда-либо и их не будем жалеть,—бросил я в ответ первую пришедшую мне на ум мысль.

Лакей метнул на меня испуганный взгляд и быстро исчез куда-то...

Немецкая наглость безгранична!

Недавно мне пришлось разговаривать с либерально настроенным офицером-баварцем, комендантом маленького местечка.

Беседа касалась вопроса о происходящих ныне по деревням реквизициях немецкой властью фуража, хлеба, картофеля и других продуктов довольствия.

Я высказал мысль, что «забор продовольственнаго излишка», как галантно выражался мой собеседник, является ни чем иным, как выкачиванием из края не излишка, а всего наличия хлебного ресурса.

Эта элементарная и не требующая доказательств мысль обидела немца.

— Я не согласен! Ничего подобного не происходит!—заволновался он.—Никакого принуждения здесь нет. Крестьяне идут на добровольное соглашение. Определенному району мы предлагаем продать нам такое-то количество продуктов по такой-то цене. И это количество крестьяне продают нам, получая за все обусловленную плату. Подобныя взаимоотношения ничем и назвать нельзя, как торговлей. А если мы местами берем продукты на учет и вводим карточную систему,—то этим лишь оказывается помощь коренному населению. Наконец, необходимое количество, как посевного материала, так и хлеба крестьяне оставляют себе. Мы даже норму указали... Реквизируем... а посмотрите, что делается в большевистской России, там из городов за хлебом вооруженные отряды посылают...

— Но там реквизированный отрядами хлеб идет в города для рабочих,—заметил я.—Дело, таким образом, сводится к равномерному распределению продовольствия среди трудового населения страны. А белорусский хлеб вы отправляете к себе, в Германию...

Немец поморщился:

— Да дело не в этом. Главное: за все, что берется здесь, мы платим. Пусть-ка после нашего ухода кто-либо заявит, что у него продукты или хлеб без денег взяты. Мы не мародеры!..

Такова немецкая наглость на словах.

А вот она на деле.

...Маленькая уличка деревни запружена немецкими солдатами.

Ходят кучками по дворам и ищут хлеба.

Отряд возглавляет комендант ближайшей волости.

Ругаются и спорят мужики. Голосят бабы. Воют ребятишки.

Реквизированный хлеб немцы выносят мешками на улицу и складывают около дома сельского старосты. Здесь ржаная мука, рожь в зерне, гречиха, ячмень, просо,—все, что только можно найти в крестьянском хозяйстве. Мешки не велики: пуда 2—3 в каждом. Это крохи прошлогоднего урожая.

Около груды сложенных мешков восседают за столом комендант, тучный, сонный немец.

Рядом солдат-переводчик записывает мешки и платит деньги.

В виде мебели присутствует староста с бляхой на груди.

На-лицо и «общество»...

Толпу взволнованных крестьян часовые держат в почтительном растоянии от стола и пропускают к коменданту лишь по одиночке.

Это—жалобщики.

Офицер сидит с полузакрытыми глазами, тянет сигару, равнодушно выслушивает через переводчика обиженных крестьян и, не задумываясь долго, в двух-трех словах, высказывает свое решение.

Все жалобы, конечно, оставались без удовлетворения.

Слезы, просьбы, всякого рода об'яснения—все это не приносило никакой пользы.

Редко кому возвращали что-либо обратно.

При мне отдали назад лишь старухе-бобылке маленький мешок муки.

Старуха долго просила со слезами вернуть ей «хлебушка», а потом, устав от просьб, села на землю и молча сидела так около часа. Горбатая, костлявая, с космами растрепанных седых волос, с глазами, уставленными куда-то в беспредметную даль, она производила впечатление умалишенной и была страшна. Вид несчастной в конце концов тронул коменданта и он распорядился вернуть муку.

Старуха без всяких слов благодарности молча взяла свой мешочек, крепко прижала его к себе и поплелась-заковыляла до своей хибарки.

На долю других не выпадало такого счастья.

А навидевшись этих обиженных, горемычных людей, кажется, не только их крохи не тронул, а даже и свое им отдал бы.

Вот баба с грудным ребенком на руках молит пана коменданта «не обижать сирот несчастных».

— Одна я, а детей вот семеро,—плачется она.—Чем мы питаться будем? Пуд оставили... да этого хлеба нам на месяц не хватит... Где я тогда заработаю? Кто меня возьмет с ребятишками?.. Окажите Божескую милость, отдайте мой мешочек... Не доживем до нови... помрем с голоду... Пожалейте, паночик, хоть деток малых...

Вот безрукий солдат-инвалид с георгиевской петлицей на грязной гимнастерке старается доказать немцам неправильность такой реквизиции:

— У меня всю рожь отняли. Старший говорит «гречихой питайся». Да сколько у меня этой гречихи? Без всякого закона выходит—что нашел, то и взял. Так не резонно. Об нас тоже подумать надо... И мы жить хочем... Какие ни есть, а все-таки правила дайте...

Вот тихоня-мужик снял рваную шапченку и низко кланяется коменданту.

— Помилуйте... не губите...—лепечет он.—Баба больная лежит... Жисти никакой. Паночик, золотой мой... пожалейте... отдайте мой кулек... Как же оно так...

Упитанного немца эти сирые люди мало волнуют. Дымит сигарой, цедит сквозь зубы:

— Nicht gestattet! *). Nicht geben! *).

Присматриваюсь как идет расплата.

— Три пуда у тебя,—обращается переводчик к одному из крестьян, протягивая ему несколько кредитных бумажек.

— Как три!—протестует тот.—Не

*) Нельзя!.. Не давать!..

три, а четыре с половиной... еще на мельнице весил...

— Записано три, и никаких разговоров!—прикрикнул солдат.—Получай свои деньги...

Крестьянин взял из немецких рук кредитки, пересчитал их и опешил:

— Двенадцать рублей... По скольку же это за пуд?

— По четыре рубля!—злобно бросил ему переводчик.

Мужичек не выдержал и забушевал:

— По четыре рубля... Ведь это, выходит, грабеж. Да теперь фунт дегтя стоит четыре рубля. Где это видно!...

— Führt ihn ab! *),—повелительно приказал комендант.

Часовые взяли крестьянина за руки и толкнули его в сторону...

Бреду на ближайший двор, где в этот момент происходит реквизиция.

Несколько солдат, раскуривая, стоят около отвореной клети. Внутри клети плач, крик, какая-то возня.

Заглядываю.

Взъерошенный немецкий унтер-офицер с двумя солдатами пересыпают в мешок из кадушки рожь.

Вокруг немцев, как наседка около разоряемого гнезда, мечется заплаканная баба.

— Да нам-то, что вы оставляется?! Креста на вас нет... ироды вы!...—вопит она, хватаясь за кадушку.

Унтер-офицер толкает бабу в грудь и несчастная с визгом летит в угол.

Так производят немцы в нашем крае «забор продовольственных излишков».

Есть много людей, которые самым категорическим образом отрицают за немцами всякую оригинальность.

Какое заблуждение! Да немцы своей эксцентричностью всех ваших американцев за пояс заткнут.

Вот, к примеру, приказ, действие котораго ныне распространено чуть ли не на всю Могилевщину:

«Оккупированные кредитки, в случае порчи таковых, в обмен на новые немецкими властями не принимаются и теряют свою ценность. Признаками негодности кредитных билетов считаются дыры в средине и слишком измятый вид».

Разве не оригинально?

Многие, наверное, поинтересуются, во что обходится эта немецкая оригинальность белорусскому мужичку.

Ох, дорого она ему стоит!

Истинную сущность приказа первыми поняли горожане и, главным образом, евреи-торговцы.

Здравый смысл каждому из них диктовал как можно скорее избавиться от столь неприятных оккупационных кредиток.

Но куда их деть? Соседу не спустишь, ибо и тот ищет,кому либо сбыть свои кредитки.

Понятно, что эти деньги хлынули в деревню, доверчивый мужичок-белорусс, за свой товар, всякие деньги возьмет—долго не будет рассуждать, не растрепана-ли слишком кредитная бумажка.

Когда приказ стал известен и в деревне, крестьяне бросились было в свою очередь сбывать изношенные немецкие кредитки, но не тут-то было. В городе мало-мальски потертую кредитку даже и в руки не брали. О немецких учреждениях и говорить не приходится. Там рискованно было даже показать «негодную» бумажку: заругают—мол, не исполняешь приказа комендатуры.

В результате чуть-ли не все своеобразно аннулированные оккупационные бумажки остались на крестьянских руках без движения, утеряв всякую ценность.

Читатель может задать вопрос: каким образом оккупационные кредитки по внешнему состоянию разделяются на годныя и негодныя, что является решающим признаком при таком определении?

Никаких правил и руководств здесь нет; все зависит от каприза того лица, которое получает оккупационные деньги. Есть разница лишь в мотивах каприза: немцы капризничают и не берут своих денег, желая обесценить наибольшее количество их, местные-же обыватели капризничают исходя из боязни получить обесцененные, ничего не стоющие денежные знаки.

Но ведь при таком положении вещей могут быть бесчисленные злоупотребления, скажет читатель.

Совершенно верно. Подобные злоупотребления на каждом шагу. И в наибольшей степени злоупотребляют сами немцы.

Привожу маленькую иллюстрацию.

... Касса железнодорожной станции.

У окна топчется, ходуном ходит, взерошеный мужичок с пачкой старых и засаленных немецких кредиток в руке.

— Таких денег не принимаю вовсе. Приказ есть, — слышится раздраженный голос кассира.

— Не откажите, панок,—молит слезливо мужичок. — Всего лишь двадцать верст до дому... Как-же оно теперь .. Мне-то они сами дали эти деньги... Может быть ошибочка какая у вас... пожалуйста...

Канитель с мужиком, как вчера, надоела кассиру:

— Не выдам,—говорят тебе. Уходи!.. Следующий...

Крестьянин отошел в сторону и растеряно перебирал в руках злополучные кредитки.

Собрались любопытные.

Догадавшись в чем здесь дело,—подошел и я.

— Вот и разберись, где она, правда... Там дают. Здесь не берут... Да разве так законно?.. Негодная бумажка, и не пущай ее в ход... Один обман выходит...—жаловался крестьянин окружающим его.

— Кто-же тебе выдал эти деньги?—поинтересовался я.

Мужичок одним махом поведал мне всю историю проделанного над ним обмана.

— Немцы приказали мне свезти сюда до коменданта, досок сорок штук... Я на потолок пилил, а офицер ихний приметил. Сунул писульку в руки и говорить: «доставь доски и квитанцию подай»... Спорить не будешь—перевез... Сторговались по три рубля за доску... «Деньги, объяснил комендант, через неделю получишь»... Вчера через старосту приказали за расчетом приехать... Приехал... Они тут и сунули мне эти бумажки.. Просил я их на другие обменить—вижу, уж больно они потерты... Никакого внимания... Еще комендант и кричать начал. «Ты, говорит, немецких денег не признаешь: в тюрьму тебя посажу»... Какие тут рассуждения—нехотя возьмешь... А теперь даже на билет денег нет... Придется пешком трепать до хаты.. Вот и продал доски..

И смешно! И горько!..

— Пошла!.. Что стала... Но!..—кричит на телеге бабенка, и во всю мочь хлещет клячу по костяку длинной хворостиной.

Лошаденка, фыркая и задыхаясь, налегает худым телом вперед, порывисто дергает, выбивается из сил, рвет убогую упряжь, но все напрасно.

Телега застряла в заполненой грязью выбоине выше колес и упорно держится на месте.

На телеге два огромных мешка, пудов по десять каждый. Сверху охапка сена. На сене обалдевшая баба.

Беспрерывно звучать удары хворостины. Во все стороны летят брызги грязи.

На узеньких в одну дощечку тротуарах собрались и глазеют местечковые евреи.

С противоположной стороны подъезжает немецкая фура с четырмя солдатами.

Завидев бабу с подводой, немцы что-то оживленно толкуют между собой, соскакивают с фуры и дружно подхватывают застрявшую в грязи телегу.

Тянут за оглобли, зыкают на кляченку. Момент и телега уже на сухом месте...

Какая любезность! Какое внимание к простой бабе! Вот, тебе, и немцы!..

Но не тут-то было. Оказывается, совершенно по другим мотивам усердствовали «камрады». Уж больно их заинтересовало содержание мешков.

Обступили телегу, озабочено ощупывают мешки со всех сторон, нюхают, тычут пальцами в дыры.

Развязали один мешок—ржаная мука. Развязали другой—тоже мука.

— Das Mehl!.. Sehr gut...*)—ликуют немцы.

Баба увидала, что дело идет на худую сторону и начала защищать свое добро:

— Что вам надо? Муки не видали, али что?.. Зачем развязали... Да не трогайте же!..

Не обращая внимания на бабу, немцы берут один мешок за углы и начинают снимать его с телеги.

*) Уведите его!..

*) Мука!.. Очень хорошо.

— Ай!.. Батюшки!..—испугавшись закричала баба.—Что вы берете!... Мое это!.. С мельницы я!.. Боже мой, Боже!..

Хватается за мешок, мечется на возу, воет диким голосом.

Заметила стоявших на тротуаре евреев, просить начала:

— Да помогите хоть вы... Расскажите им... За что такая напасть!..

Из глазеющей толпы выделяется интеллигентной наружности, еврей. Подходит к немцам и вступает с ними в разговор. Слова солдат переводит бабе; слова бабы передает немцам.

— Что вы хотите от этой женщины? Зачем берете ее муку?..

— У нас хлеба нет. Комендант приказал купить где-либо. Вот мы и приехали сюда... Пусть она не боится: мы этот мешок взвесим и за каждый пуд заплатим по установленной цене...

— Женщина говорит, что это весь ея хлеб на целый год. Она одинокая... вдова... Шестеро детей дома... Кроме всего, ей еще нужно из этого количества муки четыре пуда отдать своему коменданту: в их деревне такой приказ был... Продать муку она ни в каком случае не может...

— А зачем она привезла муку в город?.. Привезла, значит, продает... Ей, наверное, не хочется немцам продать хлеб... За это еще арестуем ее...

— Муку эта женщина везет с мельницы, только что смолола... Пожалейте несчастную... она очень вас просит...

Маленький немец с птичьим лицом, как видно старший в команде, вдруг набросился на еврея:

— А вам какое здесь дело?.. Можете уходить... «Несчастная»... целых два мешка хлеба... Наши жены дома имеют по стольку?.. Не всю муку ведь мы покупаем, а лишь один мешок... Тоже защитник...

Еврей смутился и отошел в сторону.

Немцы подняли мешок и понесли его в ближайшую лавочку.

Следом за ними со слезами и воем потащилась обезумевшая от горя баба...

Минут через десять солдаты вынесли мешок на улицу, положили его на фуру и повернули лошадей обратно...

Баба комкала в руках пачку кредитных бумажек и плакала... плакала... плакала...

Еще картинка.

Ночь. Вагон четвертого класса.

Пассажиров, как сельдей в бочке. Богатые и бедные; в шикарных пальто, платьях и в лохмотьях; запах тонких духов и вонь прелых онуч. Вагонное равенство, вагонный социализм.

Все полки подняты и превращены в трехъярусные нары. В проходах мешки, узлы, чемоданы.

Огней нет: немцы экономят свечи. Тьма кромешная.

Ругаются какие-то женщины. Ревут детишки. С верхней полки доносится заунывная еврейская песня. Где-то дренькает балалайка. Кто-то охает-стонет...

На станциях поезд стоит подолгу. Тогда огни станционных фонарей тускло освещают вагон и видны сонные и усталые лица пассажиров.

Рядом со мною сидит среди навалённых узлов дама. На руках больной ребенок. Мечется бедняжка, надрывается от хриплого кашля, плачет. У ног дамы на развернутой постели спят еще двое детей.

Дама едет из Питера в Крым, к больному мужу. В Орше она, в ожидании пропуска, просидела целых три дня. Ребенок, играя в зале вокзала, простудился и слег. А ехать, по ее расчету, придется еще дней десять...

— Скорее бы станция большая,—жалуется дама.—Хоть молока детишкам покупили-бы. С самого утра ничего не кушали. Так и заснули, не евши...

Станция Могилев-Губернский.

По расписанию поезд стоит двадцать минут. Положенный срок уже простояли; стоим час, стоим другой. Не так уж аккуратны немцы, как их аттестуют.

На дворе идет противный дождь. Капли монотонно барабанят по крыше вагона и делается тоскливо.

Из окон видно, как по мокрому перрону мечется публика. Непромокаемые плащи, поднятые воротники, зонты.

Противно и тяжело на душе. Скорее-бы отходил поезд...

В эту минуту, наверное, никому и в голову не приходила мысль, что дальше ехать нам не удастся.

А случилось именно так.

На перроне поднялась какая-то суматоха.

Тянемся к окошкам, всматриваемся.

Прибыла партия, человек в триста немецких солдат. Собрались куда-то ехать: с ранцами, винтовками, с мешками, с какими-то огромными деревянными ящиками.

Команда разошлась в обе стороны. Около нашего вагона осталось человек сорок.

Топчутся на месте, чего-то ждут.

Чтобы это значило?

Выяснения дела долго не пришлось ожидать.

— Господа,—заявил вошедший в вагон с фонарем кондуктор,— очищайте вагон. Здесь будет помещаться немецкая команда...

Пассажиры заволновались, зашумели:

— Куда же нам с вещами?..

— Зачем тогда билеты продают?..

— Безобразие одно!..

И так далее, в этом же роде...

На бесчисленные вопросы пассажиров о своей дальнейшей участи кондуктор ответил:

— Ничего не знаю. Приказали заявить... Торопитесь, господа—время мало...

Кондуктор с фонарем исчезает. Опять тьма кромешная...

Вагон гудит, как встревоженные шмели в дупле.

Моя соседка будит детей, собирает свои узлы, и ожесточенно проклинает немцев.

— А мы не будем выходить, господа,—предлагает какой-то смельчак.—Как они смеют так поступать с пассажирами? Не щепки, а деньги ведь платили за билеты...

Несколько голосов присоединяются к этому предложению. Появились противники—советуют не затевать историю с немцами, а лучше по добру оставить вагон.

Вагон шумит...

Прошло пять минут. Прошло десять минут...

Наступил финал.

В вагон шумно врываются немецкие солдаты.

— Hinaus!.. Rascher! *)—яростно кричат они.

Начинается какая-то возня. Слышен топот многочисленных ног, стоны, плач. Гремят сундуки. Мягко шлепают о пол узлы.

Оказывается, немцы самым безцеремонным образом выталкивают пассажиров и выбрасывают багаж.

Нагружаюсь вещами своей спутницы и попадаю в человеческое месиво.

Два-три толчка, один здоровый подзатыльник,—и я на дворе.

Слава, тебе, Господи!

Передаю вещи даме и вместе с другими пассажирами ожидаю решение своей судьбы.

Стоим под дождем и мокнем.

Появляется дежурный по станции.

— Давайте вагон, не оставаться же нам здесь... Вещи портятся... Дети в летнее одеты...—набросились на него пассажиры.

— Ничем не могу помочь: нет свободных вагонов.. Ожидайте утренняго состава...

Нагруженный немецкой солдатней поезд дает свисток и медленно отходит...

Бросаемся к вокзалу, хоть высохнем немного, согреемся, чаю напьемся...

— Halt! **).

Часовые у дверей берут винтовки на перевес и закрывают дорогу.

В вокзал впускают лишь пассажиров, у которых имеется пропуск, выданный на Могилев. Пассажиры с пропусками на другие города не имеют права заходить внутрь вокзала. Таков приказ высших властей.

Об,яснения, доказательства, просьбы—не помогают делу.

Кой-как уговорили часовых вызвать коменданта.

Стоим у дверей и продолжаем мокнуть в ожидании «гера лейтенанта».

Наконец, возвращается посланец.

— Комендант уехал в город.

— Как же нам быть? — плачутся продрогшие и голодные люди.

— Ожидайте коменданта...

Пассажиры расходятся и начинают устраиватся вдоль стен вокзала.

Корчатся от холода, кутаются, жмутся друг к другу.

Дама, ехавшая со мною, поместилась с детьми на багажной тележке. Качает больного ребенка и плачет обильными слезами.

Стоящий рядом со мною господин в еле-

---

*) На двор... Быстрей!..

**) Стой!..

гантном платье, курит сигару и вполголоса ругает немцев:

— Ну, и мерзавцы же эти немцы... Ни сочувствия, ни внимания к людям... Какие-то заводные куклы без ума и сердца...

— Не нравится... А вы немцев как Бога, ожидали...—ядовито замечает кто-то.

Всматриваюсь.

Сухопарый детина с мешком в руке— не то крестьянин, не то рабочий.

Господин щурит сквозь пенснэ глаза, презрительно меряет парнюгу с ног до головы.

Отворачивается и говорит в пространство:

— Тут чорта будешь ожидать, а не только немцев. Знаешь хоть, что не ухлопают, не ограбят тебя... Н-да.. Социализм в своем роде...

Парень смотрит в противоположную сторону и отвечает в пространство:

— А вам бы все на чужом горбу сидеть... Будет... Дураков уже нет...

Злобно плюнул шагов на пять вперед и режет, не стесняясь:

— Сволотня!

Господин побагровел и затянулся сигарой...

Без конца идет дождь.

Зябнут и мокнут люди...

...Сереет. Скоро утро...

(Продолжение следует).

Ив. Б—ич.

НЕМЕЦКОЕ ХОЗЯЙНИЧАНЬЕ В БЕЛОРУССИИ.

Как сообщает «Торгово-Промышленная Газета», германское управление Беловежскою пущею составило проект использования лесных богатств Беловежской пущи для снабжения Германии деревянными домами.

Имеется в виду организовать в обширнейших размерах в Беловежских лесах изготовление деревянных домов, которые в разобранном виде будут перевозиться в Германию и там устанавливаться в тех местах, где особенно ощущается жилищная нужда.

По поводу этого проекта в германской печати выдвинут вопрос об эксплоатации для той же цели и других обширных лесов в оккупированной германцами Белоруссии. При этом, по словам «Taegliche Rundschau», имеется в виду предоставить при демобилизации работу в лесах бывшим воинам, которые с этою целью будут расселены там в специально для этого сооруженных деревянных строениях, что, в свою очередь, будет содействовать ослаблению жилищной нужды, достигшей в Германии весьма значительных размеров.

Особенно желательно, по мнению сторонников проекта, поселение в означенных лесах военных инвалидов, для которых лесные жилища будут более полезны, чем скученные и густо заселенные дома в Германии, и в санитарном отношении.

Совсем по домашнему чувствуют себя в несчастной Белоруссии.

КОМИССИИ БЕЛОРУССКОЙ РАДЫ В МИНСКЕ.

Окончательно сорганизовались следующие комиссии Рады Белорусской Народной Республики: 1) культурно-просветительная — председателем избран А. Н. Прушинский; 2) мандатная — председ. А. А. Смолич; 3) юридическая — председ. И. Я. Воронко; 4) аграрная — председ. Ф. Ф. Гриб; 5) экономическая — председ. А. Н. Власов; 6) По выработке закона о выборах в Учредительное Собрание — председ. И. Я. Воронко; 7) беженская —председ. Н. Н. Козич; 8) национального единения — пресед. П. А. Бодунова и 9) контроля — председ. М. М. Костевич. Неорганизованной пока-что осталась международная комиссия, в которую входят: Р. А. Скирмунт, И. Я. Воронко, Л. И. Заяц, Ф. Ф. Гриб и П. П. Алексюк.

ПЕЧАТЬ О БЕЛОРУССИИ.

В последнее время белорусскому вопросу посвящают целый ряд статей следующие газеты, выходящие в Польше и Белоруссии: «Глос Польски», «Вильнэр Цайтунг», «Гоман», «Дзенник Виленски», «Новый Вестник», «Нэуэ Цайт», «Вестник Гомельской Думы», «Цайтунг 10 Армээ».

БЕЛОРУССКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ХАРЬКОВЕ И ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ.

Заброшенные далеко от родины белоруссы-беженцы и бывшие военные организовали Окружные Белорусские Рады в городах Харькове и Екатеринославе.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ НА БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ.

Поэт Макар Костевич перевел на белорусский язык «На дне» Максима Горького; тем же поэтом переводятся и «Мещане» М. Горького.

КОНЧИНА КАРУСЯ КАГАНЦА.

В имении «Жуки» под Койдановом (Минской губ. и уезда) скончался известный белорусский поэт и художник, Казимир Костровицкий, писавший под псевдонимом Карусь Каганец, один из основателей Белорусской Социалистической Громады.

БЕЛОРУССКОЕ ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ.

В Минске организуется Белорусское Общество Ревнителей Литературы и Истории, целью которого является: 1) охранять памятники белорусской письменности и истории путем регистрации, принятия в свое ведение и приобретения тех из них, кои находятся на территории Белоруссии, а также путем содействия к возвращению их на Белоруссию, если они вывезены или очутились по различным обстоятельствам вне пределов Белоруссии; 2) коллекционировать те из памятников белорусской литературы и истории, кои будут пожертвованы Обществу, т. е. организовать библиотеки, читальни, периодические выставки и музеи Общества; 3) содействовать процветанию белорусской литературы путем издания литературных журналов, сборников, сочинений белорусских писателей и воспроизведения древних актов, летописей и старинных сочинений на белорусском языке; 4) создавать благоприятные условия для работ белорусских писателей, историков и археологов и организовать всестороннюю помощь труженникам белорусской культуры; 5) организовать специальный фонд для помощи нуждающимся литераторам, историкам и их семьям, а также основывать «дома культуры» и санатории для потерявших трудоспособность деятелей литературы и истории.

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ.

Учрежденная в апреле месяце Н. А. Вяратом высшая музыкальная школа в гор. Минске ныне переименовывается в Белорусскую Государственную Консерваторию. Во главе профессуры останется по прежнему проф Варшавской консерватории Г. С. Журавлев Как нововведение, следует отметить в консерватории учреждение отдела по изучению белорусской народной песни, истории белорусской культуры и белорусского хорового пения.

ИНФОРМАЦИОННО - АРХИВНОЕ БЮРО.

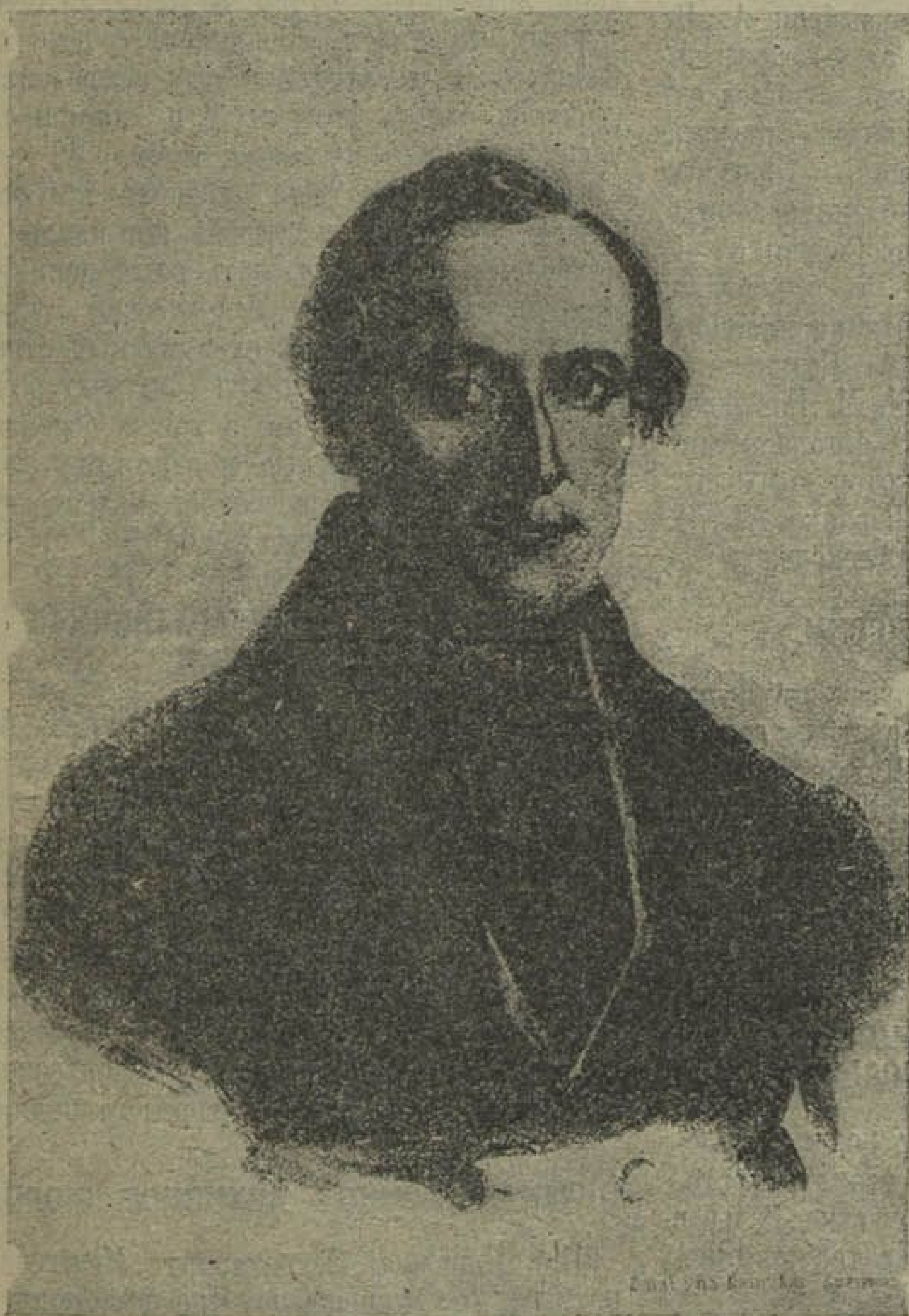
При Народном Секретариате Международных Дел учреждено Информационно-Архивное Бюро, имеющее целью собирать и классифицировать различные материалы, (газетные статьи, журналы, книги, карты, об'явления и проч.), касающиеся белорусского вопроса, мирных переговоров, взаимоотношения Белоруссии с другими державами, белорусской истории, этнографии, литературы, торговли, промышленности и товарообмена, жизни белорусских колоний за границей и т. п. Заведывающим Информационно-Архивным Бюро назначен Ю. Ф. Еннакиев.

НОВЫЕ БЕЛОРУССКИЕ КНИГИ В ВИЛЬНЕ.

Белорусским книгоиздательством В. Ластовского в Вильне еще в текущем месяце выпускается целый ряд новых белорусских книг, как-то: «Новый букварь» А. С.; «История Белоруссии»; Календарь на 1919 год (два издания — гражданкою и латинкою); «Хрестоматия»; «Ботаника»; «Грамматика» — Б. Тарашкевича и друг. Этим же издательством подготовлен для издания целый ряд книг для гимназий и учительских институтов.

ГАЛЛЕРЕЯ БЕЛОРУССКИХ ПОЭ

Редакция журнала «Чырвоны Шлях» в целях наиболее полного осведомления белорусского об времени помещать их портреты

Ян Барщевский,
первый белорусский писатель 19 столетия.

Змитрок Бядуля,
выдающийся современный белорусский писатель.

ТЕЛЕГРАММА ОТ БЕЛОРУССКОЙ БУРЖУАЗИИ ПРЕЗИДЕНТУ С.-А. СОЕД. ШТ. ВИЛЬСОНУ.

Выясняется, что перед самым разрывом Америки с Германией Белорусским Организационным Комитетом в Вильне была отправлена телеграмма президенту С.-А. Соед. Шт. Вильсону, в которой выражалась надежда, что при мирных переговорах права белорусского народа будут обезпечены. Кажется, телеграмма эта не была доставлена по назначению в виду последовавшего разрыва Америки с Германией и прекращения между ними почтово-телеграфных сношений.

ГИМНАЗИЯ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ.

В Минске организована мужская гимназия для взрослых, фактически являющаяся белорусской гимназией.

НОВАЯ БЕЛОРУССКАЯ ГАЗЕТА.

В гор. Бобруйске в скором времени начнет выходить белорусская газета, издаваемая Бобруйской Белорусской Уездной Радой, во главе которой стоит Успенский.

БРОШЮРА «ВОСТОЧНАЯ БЕЛОРУССИЯ».

Народный Секретариат Международных Дел (1-го состава) выпустил популярную брошюру историко-статистическаго характера, под названием «Усходняя Беларусь», («Восточная Белоруссия»). В брошюре этой приведена краткая история белорусского движения по сю сторону первой оккупации за время Российской революции и описываются первые шаги Рады и Народного Секретариата. Особое место уделено в брошюре «Уставной Грамоте» Рады от 25-го марта 1918 г. о независимости.

ВЫПУСК СБОРНИКА ПЬЕС.

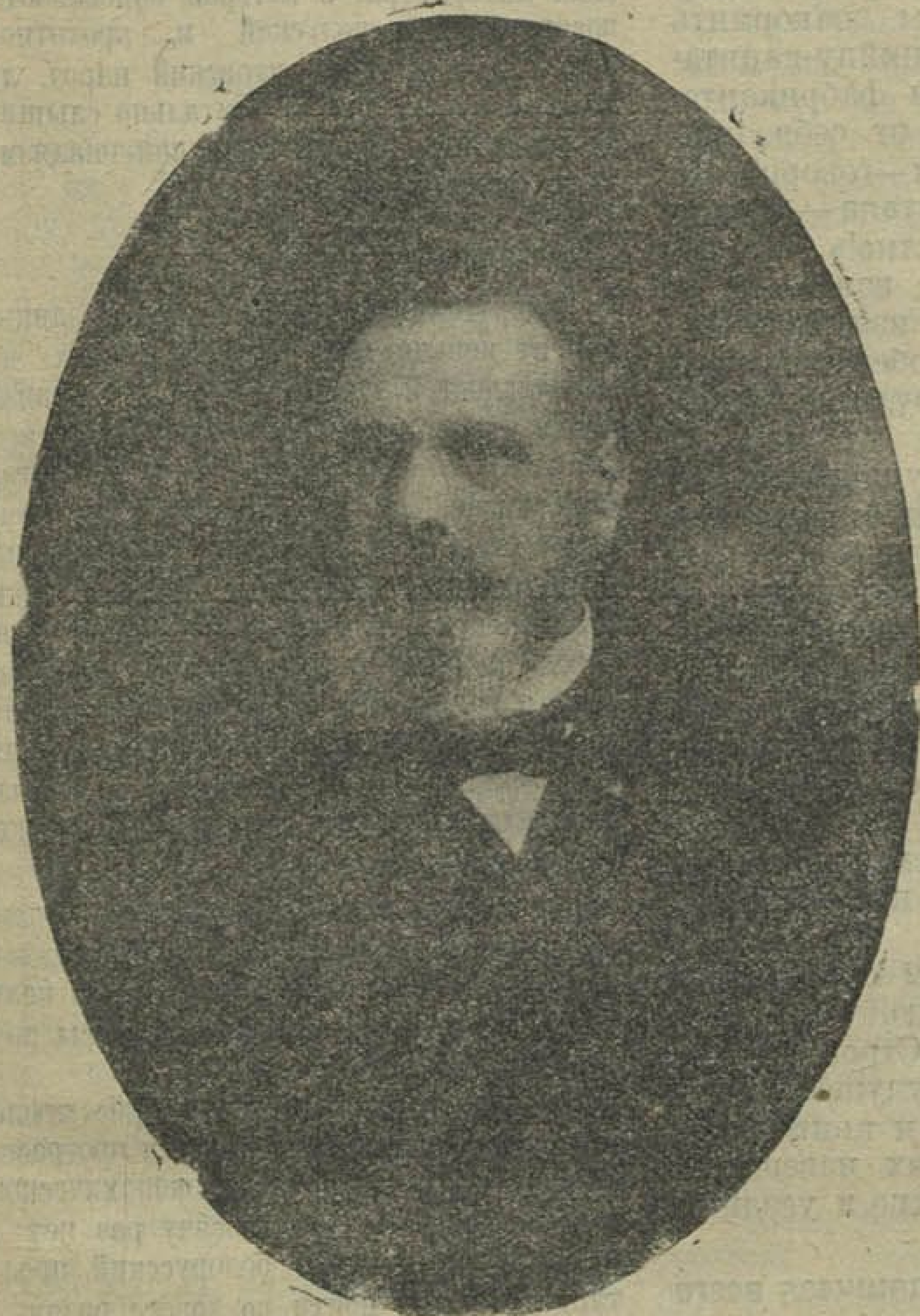
В Минске Дирекцией Белорусского Национального театра издан сборник белорусских пьес, в который вошла и ставшая за последнее время общеизвестной «Паулінка» Янки Купалы.

РУССКИЕ КЛАССИКИ НА БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ.

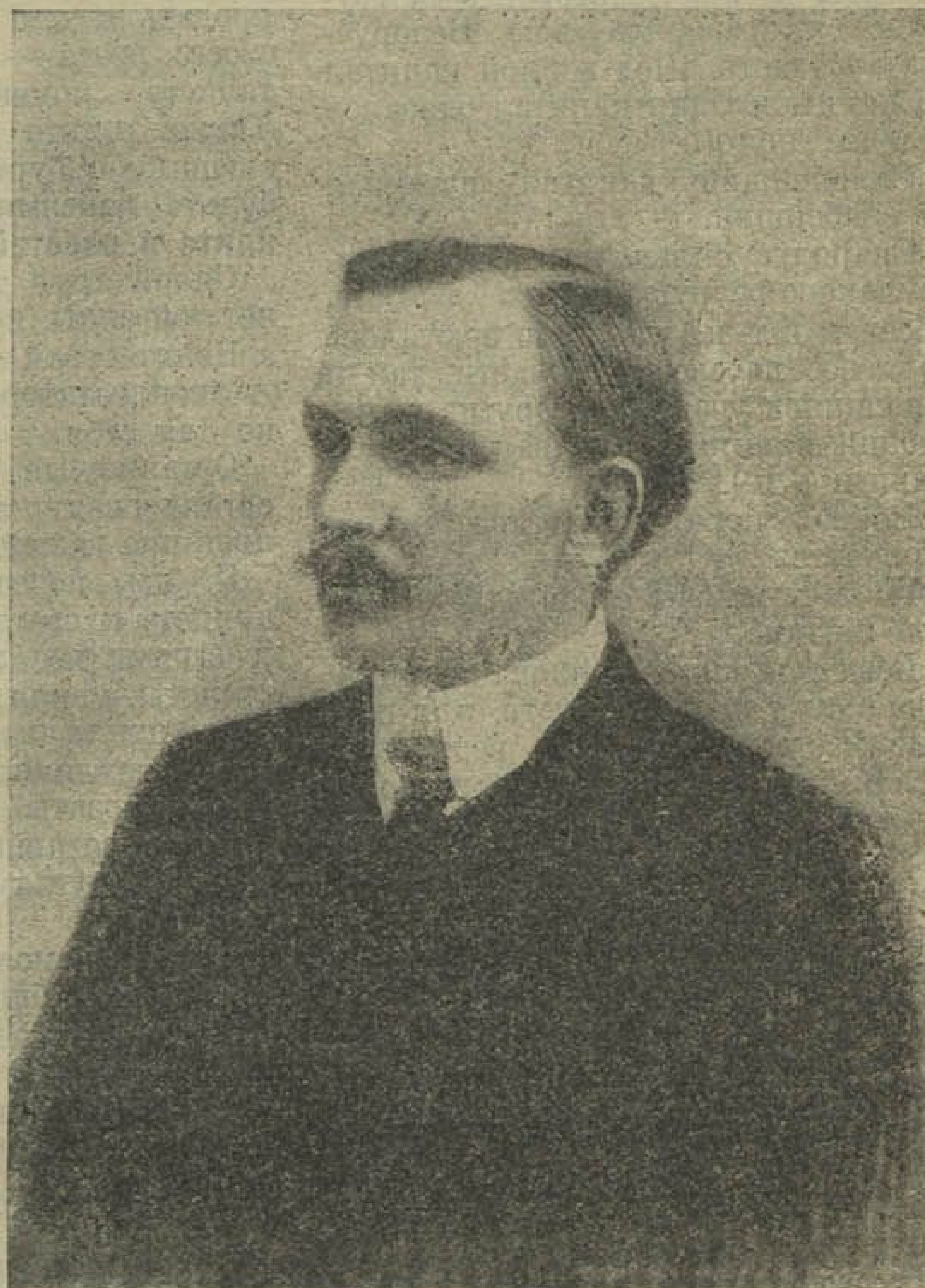
В репертуаре осеннего сезона Белорусского Национального театра включены, кроме новых оригинальных пьес («Ні тая, ні другая» — У. Галубка, «Паны і хлопы» — Ф. Ждановіча), также и переводные для ученических спектаклей и для белорусского юношества: «Ревизор» — Н. Гоголя (перев. И. Я. В.), «Власть тьмы» — гр. Л. Толстого (перев. Р. Земкевіча), «Горе от ума» — А. Грибоедова, а также «Евреи» — Н. Чирикова, «Сует» — Н. Тобилевича и друг.

ТОВ, ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ.

щества относительно выдающихся белорусских поэтов, писателей и ученых, будет время от на страницах своего журнала.

Известный белорусский ученый этнограф акад. проф. **Е. Ф. КАРСКИЙ**, автор классического многотомного труда «Белоруссы».

Янка Купала,
известнейший современный белорусский поэт.

НОВЫЙ БЕЛОРУССКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК «ВАРТА».

С 1-го сентября в Минске начал выходить новый общественно-исторический и экономический ежемесячный журнал «Варта» под общей редакцией И. Я. Воронко. Предполагается помещать в нем статьи, как на белорусском, так и на русском, польском и немецком языках.

ОБРАТНЫЙ ПЕРЕВОД В МИНСК МИНСКОГО УЧИТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА.

Белорусской Радой недавно была принята делегация Минского учительского института, ходатайствовавшая о содействии Рады в вопросе обратного перевода института в Минск. Во время того дикого разгрома белорусских школ, который производился российскими властями в 1915 году и носил официальное название «эвакуации», преподаватели и слушатели Минского учительского института были высланы в Ярославль, где им пришлось жить и работать в очень тяжелых условиях.

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ЮЖНЫХ УЕЗДОВ МИНСКОЙ ГУБ. К БЕЛОРУССИИ.

Как известно, Украина оккупировала южные уезды Минской губ и намеревалась навсегда присоединить их к себе. Белорусской Радой была отправлена в Киев делегация для переговоров по этому вопросу. В виду неуступчивости украинской делегации, переговоры кончились ничем. Недавно украинские власти хотели произвести в этих уездах мобилизацию нескольких призывных возрастов. Немцы эту мобилизацию отменили, **в виду принадлежности данных уездов к Белоруссии.**

ТРЕВОГА БЕЛОРУССК. БУРЖУАЗИИ.

Предстоящее очищение края немцами повергает в большое уныние белорусскую буржуазию. В Минске состоялось специальное собрание, посвященное данному вопросу. Решено всячески затягивать эвакуацию немецких войск, обратиться с петицией к германскому командованию о защите края от ужасов большевистской анархии и в случае неудачи этого ходатайства, уехать вместе с отходящими немецкими войсками.

Голос Белоруссов.

РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ БЕЛОРУССИИ!

Война капиталистов — этих акул наживы и эксплоататоров всех трудящихся, разорила всю Белорусскую Область. Шел войной капитал на капитал. Один капитал оказался сельнее другого.

Сильнейший капитал наступал на слабейший.

Снаряды сильнейшего капитала одинаково разрушали, как деревни, поселки и т. п., где жило и ютилось трудовое население Области, так и помещичьи усадьбы и другие виды угодий капиталистов (заводы, фабрики и т. п.).

Война, повидимому, на исходе (кончается).

Настает момент строительства новой жизни.

Беженцы всех видов, покинувшие в силу необходимости свои родные места, стремятся вернуться. Среди них много хищников, помещиков-эксплоататоров, и целые толпы их прислужников, которые захотят всеми неправдами возстановить свое прежнее благополучие.— Уже в оккупированной Белоруссии, где влавствует капитал, — вернувшиеся хищники-помещики начали свою мерзкую работу по эксплоатации трудящихся, применяя даже меры принуждения.

Разрушенную и обнищавшую Белорусскую Область вместо того, чтобы озаботиться ее обогащением, они начинают еще больше разорять, дабы лично себя вознаградить, а потом, нажившись, уехать и прокучивать деньги.

Они начали уничтожать последнее и единственное богатство Белоруссии,—рубить леса и продавать за границу.

В то же время они не позволяют разоренному, обнищавшему трудовому крестьянству взять ни одного бревна, чтобы построить себе избу, —взамен разрушенной.

Рабочие и крестьяне Белоруссии, организуйтесь! Стройте сами свою жизнь! В этом ваше счастье и благополучие. Помогайте своим братьям беженцам из рабочих и крестьян Белоруссии!

На все попытки помещиков и фабрикантов, какого рода бы они ни были, купить ваш труд, отвечайте бойкотом.

Скажите им **«больше нашего труда вы не купите! Прочь от нас! Право кушать хлеб имеет тот, кто трудится!»**

На работы к помещику и фабриканту не идете,—сколько-бы они не платили. Хлеб свой им не продавайте. Лучше даром дать своему брату рабочему и крестьянину, который его не имет, чем за дорогую цену продать с тем, чтобы накормить своего врага — кровопийцу-капиталиста, помещика и фабриканта. Также гоните прочь от себя приспешников буржуазии—говоря **«Не будьте лакеями капитала — лучше идите и работайте честно!»**

Силой труд тяжело взять—да и нет той силы, которая взяла бы его.

Цените свой труд, оберегайте его от эксплоататоров. Трудитесь только для себя.

Организуйте все трудящееся, — в организованности ваша сила и процветание вашей культуры.

И вы перестанете страдать и придете к светлой хорошей жизни, и сгинут все эксплоататоры-капиталисты, увидя, что труд уже нельзя купить, нельзя, значит, наживаться на трудящихся, нельзя их мучить и терзать.

Соргнизовавшись немедленно, создавайте культурно - просветительные клубы.

Знание поможет вам одолеть вашего врага—буржуазию.

Учите ваших детей. Стройте и для них школы.—В них будущее трудового народа. Учителя и книги есть.

О всех организациях извещайте Центральные Губернские и уездные Советские органы.

Да здравствуют трудящиеся всего мира!

Смерть всем капиталистам и эксплоататорам!

БЕЗ БУРЖУАЗИИ.

Самородные белорусские революционные деятели,—вышедшие исключительно из трудовых крестьянских масс, как верные сыны своего края, зашевелились и начинают строить новую пролетарскую жизнь—среди белорусских трудовых народных масс. Не обладая искусством дипломатического подхода, они, как истинные сыны народа, стремятся идти прямым путем по широкой красной дороге, но не сразу им это удается, ибо не сразу понимают их прямолинейность, их честность и правдивость.

Полное отсутствие белорусских буржуазных организаций, а следовательно, и отсутствие революционной борьбы с нею не могло их зарекомендовать в их политической самостоятельности. Наоборот:— буржуазия пришлая в лице польских помещиков—с которой боролся и борется белорусский пролетариат, может быть засчитана и даже уже считается, как борьба национальная.

Нечего кривить душой,—нужно сказать правду, что когда белорусская пролетарская литература, в которой описываются посягательства польской и крохотной, как и сам по себе литовский народ, литовской буржуазии, моментально слышится вопль это,—разжигание национализма, —это шовинизм и т. д.

Товарищи!

Белорусский трудовой народ в данный момент меньше всех народов разных национальностей кричит о своих правах, меньше всех говорит о себе, меньше всех заботится об устройстве своей пролетарской жизни. Но это не значит, что ему, этому столь большому с чисто природным коммунальным образом жизни, можно ставить всюду преграды и обвинять его революционных деятелей в том, о чем они даже и не мыслят. Мне лично приходилось при каком-либо разговоре выслушивать оригинальные вопросы и ответы, как только заходила речь о белорусском трудовом народе.

Непонятно, как коммунисту,—почему нельзя говорить про белорусский трудовой народ,—почему нельзя стремится к цели, к какой стремятся трудовые классы других национальностей.

Неужели и топерь белорусский пролетариат не может пойти по пути прогресса, культуры и собственного экономического благоустройства. Нет, тысячу раз нет:— в настоящий момент белорусский пролетариат должен пойти по дороге рядом с пролетариатом других народов,—должен начать и свою пролетарскую жизнь—преград не может быть и не должно быть.

Возрождение белорусского трудового народа стихийное, никаких искусственных подогреваний нет. Оно само выдвинуло своих револционных деятелей, оно их поддержало, оно пойдет за ними к свободе, равенству и братству всего мира трудящихся, стихийно пойдет.

И этого стихийного движения, могучего белорусса лично не остановить.

Никакие самообманы, на которые всюду его хотят взять, ни «Белорусские Народн. Пр» (в Минске), ни буржуазные польские регентские советы, ни литовские Тарыбы, ни украинские Скоропадские.

Белорусский народ, не имевший своей буржуазной культуры, здоровый с чисто пролетарским саморазвитием, далекий от всяких дипломатических выходок, несмотря на всякое отворачивание при разговоре о нем, идет по красному пути и будет идти. Не страшны ему всякие шипения из-за углов и непонимание его.

Возрождение—без буржуазнаго толч-

ка началось — настоящее пролетарское возрождение.

Смелей же иди, белорусс, вперед без страха—твои друзья всегда с тобой, а враги не страшны.

В пролетарской семье народов и для тебя есть место.

Ком.-белорусс.

МАЕ ДУМКІ.

Зараз мінець паутары гады з таго часу, як у Расеі зрабілася вялікая рэвалюція, прыйшла яна доугажданая у той мэнт, як працоуны-бедак, котораго трымалі у цемры і обмане, змучаны крывавай бойней і царскім рэжымам, ня смогшы цярпець далей, дружна паустау на барацьбу, каб зваеваць дэспатызм, а з ім разам і грашавікоу паноу і усіх тых, хто абіраіць працоуную беднату. Як жэ-ш былі гэтаму усе рады, што вырваушыся ад гэткаго гнёту, збавіліся гідры дэспотау грашаунікоу і тых вялікіх крыуд і несправедлівасьцяу, якія выносіу на сабе цёмны бедны працоуны люд...

Вось тут мне і хочэцца застанавіцца крыху і сказаць аб тэй думцы, якую меу і якую маіць бедны працоуны беларус. Вялікая радасць і яшчэ большая прыхільнасць была у працоуніка хлебароба беларуса, як скінулі царскі трон, даушы яму столькі гора у гэтай проклятай бойні, начатай грашаунікамі - хвабрыкантамі, дзеля свае карысьці, которая сагнала многа сыноу Беларусі з родных месцоу, пусьціушы на холад-голад па свету, каторая парыла іх нівы, іх бацькоускія магілкі і папаліла вёскі...

Яшчэ большая радасьць агарнула працоуніка беларуса у той час, як уласць у Расейскай Рэспубліцы узяу у свае рукі праудзівы гаспадар яе, — працоуная беднота у постаці рад працоуна-селянскіх і салдацкіх дэпутатау; тады ён думау, што кончыуся здзек над ім уселякіх павукоу капіталістау, паноу, што кончыуся прымус гаварыць па расейску, што кончылася яго цемната і што ад гэтаго часу, перастаушы звацца цёмным чэлавекам, ён будзець жыць, дабіваючыся сабе шырокай прасьветы і разам з усімі будзець будаваць свабодны рэвалюцыйны кгмах.

Але ня доуга прышлося цешыць сябе думкаю шчасьця і вольнаго жыцьця: усясветнае грашауніцтво, як каршуны з усіх бакоу напаушы на расейскую рэвалюцію, што коліць ім у вочы, захапілі большую частку зямлі беларускай і разам з тымі беларускімі саціял-прадауцамі у Мінску, якія завуць сябе краявым урадам, разам з прускімі шуцманамі бьюць і катуюць беларуса, звяртаючы яму старыя парадкі, жандармау, бізуны паноу і прыгон...

Вялікая хмара зноу завалакла яго небасхіл і бачыць ён-з-пад яе, як брат яго, працоуны бедак, застаушыся у Расеі, не захопленай у зайздрасныя лапы грашаунічаства, будуіць сабе будынак лепшай долі і лепшаго шчасьця; хочэцца быць яму птушкаю, каб адляцець ад гэткаго здзэку катау і несправедлівасьці і хочэцца крыкнуць яму да усяе на свеці забітае, загнанае беднаты: «Браты! ці-ж ня досіць ужо праліваць вам вашую кроу на ублажанне дэспотау, грашаунікоу, хвабрыкантау, якія мучылі і мучаюць вас? ці-ж вы ня хочэце быць вольнымі?—ці-ж вы ня хочыце жыць у згодзі з усімі працоунымі людзьмі?..

Не, вы хочэце, але на вас напало зацьменне вашаго націянальнаго шавінізму, дык скіньце з сябе гэты ціжар, бярыце у рукі долю сваю, маючы на мэці вольнасьць, роунасьць і братэрства народау.

І хочэцца крыкнуць разам з вамі, браты работнікі, селяне: «Скіньце ярмо вашых цароу, грашаунікоу катоу! Смялей, не шкадуйце сябе і свайго жыцьця, бо вы і так абманутыя страляеце і б'еце адзін аднаго ужо пяты год, а за што?..

Перастаньце памагаць захопнікам-шавіністам таустапузам кідацца вашым жыцьцём, і пасылаць вас на смерць, дзеля іхніх карысных мэтау! Разпаусюжывайце і рабіце рады работнікау і селян!

Дамагайцеся вольнасці, роунасьці, братэрства!»

Я. Лагун.

1-АЯ РЕЗОЛЮЦІЯ

Собранія граждань Бѣлоруссіи (рабочихъ Путиловскаго завода) отъ 4-го августа 1918 года.

Собраніе граждакъ Бѣлоруссіи (рабочихъ Путиловскаго завода), проживающихъ въ г. Петроградѣ, состоявшееся 4-го августа, с.-г., заслушавъ докладъ Завѣдующаго Бѣлорусскимъ Отдѣломъ Комиссаріата по Дѣламъ Національкостей С. К. С. О., т. Ковшилло, представителя Центральнаго Бѣлорусскаго Комиссаріата въ Москвѣ т. Устиловича о дѣятельности и задачахъ Національнаго Бѣлорусскаго Комиссаріата, постановило:

Выразить благодарность Центральному Бѣлорусскому Комиссаріату и Бѣлорусскому Отдѣлу Комиссаріата по дѣламъ Нац. С. К. С. О. за ихъ работу въ дѣлѣ реэвакуаціи Бѣлоруссовъ-бѣжекцевъ и за стремленіе къ улучшенію экономическаго и правового быта трудовыхъ Бѣлорусскихъ массъ. Собраніе выразило надежду, что и впредь работа національныхъ Бѣлорусскихъ учрежденій будетъ направлена всецѣло въ сторону защиты правъ трудового бѣлорусскаго народа и охраненія этнографическихъ его границъ отъ всякаго рода посягательствъ со стороны различныхъ шовинистовъ и националистовъ. Собракіе настойчиво требуетъ, чтобы средства для культурно-просвѣтительныхъ цѣлей Б. Н. К. и Б. О. и Отдѣленій были бы получены, а также была бы произведена реэвакуація бѣлоруссовъ бѣженцевъ. Собраніе указываетъ; что прежде всего реэвакуація должна коснуться Бѣлоруссовъ бѣженцевъ, разселившихся въ голодающихъ нынѣ губерніяхъ и что всѣ нуждающіяся бѣлоруссы бѣженцы должны быть обеспечены необходимыми средствами для существованія.

Подписали: Предсѣдатель **Козыревъ.**
Секретарь **Черепукъ.**

Разные сообщения.

НІЗАЛЕЖНАСЬЦЬ БЕЛАРУСІ І ЦЭНТРАЛЬНЫЯ ДЗЯРЖАВЫ.

Як ведама, тварэньне нізалежнай Беларускай дзяржавы адбываецца за згодай і благаславенствам Нямеччыны. Але што немцы думаюць і як маюць скарыстаць папаушы ім у рукі беларускі козыр, — напэуна нівядома. І гэтае пытаньне надта клапоціць бацькоу беларускае нізалежнасьці. У № 48 «Гоману» п. Мелешка датыкаецца гэтаго пытаньня і, высьняючы зацікауленнасьць немцау у істненьні нізалежнай Беларусі, піша:

„Беларусь, як часьць Расійскай дзяржавы, гэта—клін, каторы аддзеляе Балтыцкія землі ад Украіны. Беларусь, як нізалежная дзяржава, зусім асобная, ці у фэдэрацііі з Літвою, гэта—залаты мост між Балтыцкімі краямі і палуднем, гэте жывая зьвязь між землямі, якія, трэба спадзявацца, *увойдуць у сыстэму цэнтральных дзяржау*".

Гэтая цытата выразна сьведчыць аб тым, што беларускія нізалежнікі ясна бачаць канец, да якога давядзе іхняя праца: яны бачаць у будучыні поунае падчыненьне Беларусі эканамічным і, напэуна, палітычным уплывам Нямеччыны. Але гэта іх ні спыняе: наадварот, дадае ім новае энэргіі да піацы над загубаю свае бацькаушчыны. Бо іначай, як загубаю, ні можа быць цеснае суседзтво слабай Беларусі з дужаю Нямеччынай.

Наша мэта зусім другая. Мы працуем дзеля ідэі фэдератыунаго хаурусу усіх вольных народау бышай Расійскай Імпэрыі. Выкананьне нашае мэты нясе

Беларусі ні палон, ні рабство у чужынцау, а дабрасуседзкае жыцьцё са свамі славянскімі братамі. Мы моцна верым, што беларускі працоуны народ ні памыліцца і выбярэ праудзівую дарогу да свае лепшае будучыны.

АПЭТЫТЫ ЛІТОУСКАЕ ТАРЫБЫ.

Зьвер літоускаго нацыаналізму, хоць і малы, але надта драпежны і выказвае вялікі захопны апэтыт. Літоуская Тарыба (Краіовая Рада) у сваіой афіцыяльнай часопісі «Lietuvius Aidas» выступіла з прэтэнзіямі да значнай часьці быушага Вялікаго Княжаства Літоуска - Рускаго. Успаміны аб часах Гэдыміна, калі літоускае панаваньне пашыралося да Дняпра і Дзьвіны, ні даюць спакойна спаць правадыром Тарыбы. Тарыба ні бачыць, што часы зьмяніліся, а вельмі прагне ашчасьлівіць ладны кавалак беларускай зямлі праз прылучэньне яго да «нізалежнай» Літвы, зьвязанай з Нямеччынай ваенным, жалезнадарожным, мытным, дыплёматычным, грашавым, пачтовым, тэлеграфічным і цэльнай гурбай іншых хаурусау. Свае прэтэнзіі да Гродзенскай і беларускай часьці Віленской губерні Тарыба падмацоувае тым, што дауней на гэтых мяйсцох жылі чыстыя літоуцы, якія «дзеля націску, чыніушагося на іх славянамі, гаворащь па-беларуску». Што тэрыторыя беларускай мовы і нацыі пашырылася коштам літоуцау, — гэта прауда, але ніпрауда тое, што славянамі чыніуся які-колечы націск. Процэсс беларушчэння сумежных з намі літоуцау адбывауся **без жаднаго гвалту,** цалкам дабравольна. Тым часам Тарыба хоча павярнуць коло гісторыі назад і вярнуць у лоно літоускай нацыі вялікі кавалак нашай зямлі, гдзе с-паміж адвечных яе жыхароу жадная жывая душа ні разумее ані слоука на-літоуску. У паіменованай часопісі Тарыба, напр., пішэ: «Тэрыторыя беларускай мовы яшчэ ні можа адзначаць этнічнай прыналежнасьці, бо насяленьне, гаворачы па-беларуску, паходзіць з літоуцау». «Яны настолькі жэ літоуцы, як і тыя, што гаворащь по-літоуску». Можна было-б сказаць інакш: «Яны настолькі жэ літоуцы, як і кітайцы».

У ІМЯ ЗЬВЯЗКУ НАРОДАУ.

12 трауня (мая) у Ліозанні (Швейцарыя) адбыуся сход предстаунікау народау, якія жывуць на захадзі быушай Расіі, на тэрыторыі даунай Рэчы Паспалітай. Сход гэты сабрауся дзеля выясненьня спорак і сврэчнасьцяу, істнеючых пажіж гэтымі народамі і спосабау іх заспакаеньня. Ад палякау былі: Бараноускі (кіраунік бюра пад назв. «Polonia» у Жэнэві), Юрэвіч (дэлегат ад т-ства «La Pologne et la guerre» «Польша і вайна»), Лігоцкі (дэлегат польскай місіі у Бэрні); ад украінцау: Бачынскі (рэдакт. тыднёвіка «L'Ukaine» «Украйна»), д-р Панэйко (рэд. Львоускага «Діла»), Романоускі (супрацоунік украінск. тэлегр. бюро у Швайцарыі); ад літоуцау-кс. Вісцонт; ад латышоу д-р Эланскі Аустра Осэліш (кіраунічка латышскага бюро у Бэрні) **і ад беларусау-інженэр Іжыцкі.**

На чародным сходзі быу абгавораны і прыняты статут т-ства і створана «Усходняя Камісія», дзеля дэталічнага разгляду спрау памяніоных народау. У статуці гаворыцца, што усе пастановы камісіі «будуць аддаты на разгляд прабамоцных прэдстаунікоу зацікауленых народау і мірнаго кангрэсу».

Мы вітаем усе пробы спакойнаго паразумення паміж намі і нашымі суседамі. Мы заусягды былі тае думкі, што лепш паразумецца самым, чым вадзіцца і калаціцца паміж сабою і аддаваць свае споркі на развязаньне чужым, напр. Нямеччыне, якая пастараецца усіо зьвярнуць на сваю толькі карысьць і на нашую згубу. Адно толькі мусім спытацца. хто гэта інж. Іжыцкі, які бярэ на сябе прэдстауніцтво ад беларускаго народу? Хто яго упоунаважыу? Прауда, усіо гэтае таварыство складаецца з людзей больш.-меньш. выпадковых, пастановы «Усходняй Камісіі» маюць вартасьць толькі, як праэкты. Але палякау, украінцау і інш, прэдстауляюць усіо-ж такі сябры грамадзянскіх арганізацый, упоунаважаныя імі. Проціу прозвішча інж. Іжыцката ні пастаулено, якая арганізацыя яго упоунаважыла. Можна думаць, што ніякая. Дзеля гэтага удзьвяйгу важна было-б ведаць: хто такі інж. Іжыцкі? Іон выступае самачынна. Калі іон добры, шчыры беларус, дык гэта яшчэ ні такая бяда. Але калі гэта авантурнік, толькі прыкрыушыся беларускім імянем, каб абаранящь зусім ні беларускія інтарэсы, дык гора яму!

ОБ ОЧИЩЕНИИ НЕМЦАМИ БЕЛОРУССИИ.

Недавно распространились слухи, исходящие, будто бы, из немецких источников о скором отходе немцев на старые до-февральские позиции и очищении ими белорусских местностей, оккупированных в 1918 году. Но добавочный русско- германский мирный договор, заключенный в Берлине 27 августа с. г. не дает реальных оснований этим слухам. Статья третья договора гласит:

«**Германия очистит** еще до заключения всеобщего мира **занятую к востоку от Березины территорию, при ранее установленном наличном взносе,** который Россия должна платить на основании статьи второй русско-германского финансового соглашения от настоящого дня; ближайшее постановление об обоих участках, которые имеют быть очищены, представляется в комиссию, упомянутую в абзаце первом статьи второй настоящого добавочного договора. Договаривающиеся стороны оставляют за собою право заключить дальнейшее соглашение, касающееся имеющего состояться **по заключении всеобщего мира (!) очищения территории к западу от Березины, сообразно с исполнением основных финансовых обязательств, взятых на себя Россией».**

Значит, действительное положение дела очень далеко от распространяемых слухов. Германия соглашается в ближайшем будущем очистить только территорию **к востоку от Березины** и то только «**при** ранее установленном **наличном взносе».** Что же касается территории **к западу от Березины,** то Германия соглашается очистить ее **лишь по заключении всеобщего мира** и при том, опять-таки, «**сообразно с исполнением основных финансовых обязательств, взятых на себя Россией».**

Приняв все это во внимание, становится ясным, насколько далеки от действительности вышепереданные оптимистические слухи.

ОТКРЫТИЕ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОГО ИНСТИТУТА В ГЕРМАНИИ.

В городе Бреславле открывается Восточно-Европейский Институт. По словам «Рэйхспост» целью его является детальное изучение экономических, сельско-хозяйственных отношений и культурно-правовых особенностей народов, населяющих Украину, Россию, Польшу, Литву, Белоруссию и Балканский полуостров; изучение языка, литературы, истории, религии каждого народа и исследование промышленности, как добывающей, так и обрабатывающей.

КУРСЫ АГИТАТОРОВ.

При Белорусском Национальном Комиссариате в Москве открываются курсы политических агитаторов. В число курсантов принимаются белоруссы-коммунисты, а также лица, имеющие рекомендации от общественных организаций, стоящих на платформе Советской власти. Преимущество отдается крестьянам и рабочим.

БЕЛОРУССКИЕ ШКОЛЫ В ПЕТРОГРАДЕ.

В наступающем учебном году Белорусским Отделом в Петрограде открывается белорусская трудовая школа средней ступени (гимназия), пока в составе первых 4-х классов.

Кроме того, открывается белорусская рабочая школа низшей ступени с вечерними и дневными занятиями для взрослых и детей. Школа временно помещается по Петергофскому шоссе, в д. № 26 и разделяется на три группы: 1) для неграмотных, 2) для малограмотных, 3) для учащихся с познаниями начальной школы; школа имеет три класса и три категории предметов: 1) общеобразовательные. 2) сельское хозяйство, 3) ремесла.

Сверх того, для всех трех групп вводится обучение пению и музыке, а также уроки по физическому развитию.

Критико-Библиографический Отдел.

АЛЕСЬ ГАРУН. МАТЧЫН ДАР.

Думы і песьні. 1907—1914. Менск. 1918.

Пад такою назваю Беларускім Аддзелам атрымана нідауна кніжка вершау Алеся Гаруна, выданая у Мінску коштам Народнага Сэкрэтарыяту Беларусі. Сваім выглядам кніжка адразу робіць прыемнае уражэньне на усякага, хто толькі бярэ яе у рукі: ясны, чытэльны друк, добрая папера, дужа прыгожая вокладка работы Р. Земкевіча. Але разам с тым іосьць і дзьве вады: першая, што німа літары «у» кароткае; другая, што німа літары «ё». З першым можна ліогка змірыцца, нідахват жа літары «ё» значна павялічвае труднасьць чытання кнігі, асабліва для людзей мала знаіомых з беларускаю жывою гутаркаю. Нідахват гэтых дзьвіох літарау выклікаецца тым, што друкарня ні была дапасована да друкавання па беларуску, а толькі па расейску. Пакуль ідзе цяперашняя завіруха, дастаць гэтыя дзьве літары цяжка, і трэба шукаць якога-небудзь кампромісу. Такім кампромісам можа быць азначанне гука «ё» двума літарамі «іо», што і робіцца у Маскоускай беларускай газэці «Дзянніца» і у Петраградзкай часопісі «Чырвоны Шлях». Цана на кніжцы пастаулена 2 руб., грошы для цяперашніх часау нівялікія за пекна выданую кніжку у 125 стр.

Гэта з боку матар'яльнага, што можна сказаць аб кніжцы. Пераходзячы да самага зместу яе, трэба перш-на-перш заувaжыць адно: большая часьць умешчаных у іой вершау, напісана песьняром у годы выгнання у чужой і даліокай Сыбіры, куды загнала яго цяжкая рука царскага самауладзтва. Адбываючы сваю ссылку пасярод дзікай сыбірскай прыроды, так нісхожай з прыродай Беларусі і чужой сэрцу песьняра,—іон праз увесь час заслання мкнецца думкаю да роднай краіны, да убогіх загонау Беларусі.

«Як надарыцца мінута,
Што ад працы адарвуся,
І жыцціовая атрута
Ні пячэць, і прахаплюся,
Дык цябе, мой Родны Краю,
Шчырай думкай аблятаю»

пішэ песьняр. І ні толькі дніом у вольную ад працы часіну, але нават і у ночы, у сьне, іон бачыць свой родны край:

«Часам я у ночы сны дзіуныя бачу:
Роіцца нейкі нізведаны край;
Повян то шчасьця, то жаласьці плачу,
То злохмурлівы, то сьветлы, як рай.
Бачу вялікія стэпы з-над Ніомна,
Туліць у сьліозах матуля сынка,
Спеленца пушча, глухая і ціомна,
Косьці з магілы глядзяць бедака».

Баліць і знібее сэрцэ пеняра аб долі роднай краіны. Іон ведае, што край наш бедны і убогі, што праз цэльныя вякі яго рвалі і абдзіралі чужынцы, нішчылі вольны розквіт яго жыцьця. Звяртаючыся у думках да свайго роднага краю, песьняр гаворыць:

«Ты нішчасны і убогі.
Ты бяздольны і забіты,
Ты бяз шляху, без дарогі,
Ты абдзіорты і прапіты,
Подлай здрадаю праданы.
Ты ні свой,—дауно забраны».

Але колькі ні нішчыла наш край рука грабіцеля-чужынца,—яна ні магла адабраць ад яго усяе красы і моцы. І песьняр моцна верыць, што унутраная моц, захавaушаяся у краю, давядзе яго да лепшай будучыны:

«Ты квяцісты, залацісты,
Ты прыгожы і аздобны.
Ты лясісты, каласісты,
Можа, рай табе подобны,—
Колькі-ж моцы маеш скрытай,
Колькі сілы ніспажытай!
Ты паустанеш, працавіты,
Гаратнічы, нівымоуны,
Шчасьця, долі прагавіты,
Мой сланэчны, мой чароуны.
Будзе час, пабачуць сьведкі.
Хоць ні мы,—дык нашы дзеткі».

Сам песьняр мала спадзявауся вярнуцца у родную краіну, іон верыу у яе лепшую будучыну, але ні думау, што і яму суджана апынуцца пасярод працаунікоу над адбудовай бацькаушчыны. Хочацца яму быць птушкай, сокалам быстраліотным, паляцець у свой родны край, быць

«Там, дзе пад націскам роднага молата
Жыцце куецца у глыб і у шыр.»

Песьняр выказвае думку, што і яго сілы знайшлі бы сабе месцэ каля працы над будовай лепшай долі свае бацькаушчыны:

«Можа і я с сваей слабаю сілаю
Там працаваці бы крышку памог;
З гэткаю працаю шчыраю, мілаю
Сьмерці спаткау бы спакойна парог».

Але ні было надзеі на вызваленне: моцна вартавалі яго царскія слугі. Роспач ахапляе яго душу, і іон пытаецца у сябе:

«Можа... А можа ні убачыці гэтага.
Можа суджона тутъ век мне пражыць.
Дні адзіноты, сіроцтва бязсьветнага
Грудай каменняу у душы валачыць».

Ні можна раунадушна чытаць гэтых вершау, ноуных кахання і нуды по бацькаушчыні, сумавання над загубленаю маладою сілаю, якая рвецца да працы, але ні знайходзіць яе, бо у чужым боку усіо гніла, рукі апускаюцца, прападае сэнс жыцця, «павол гіне за целам дух». —«Я тут бязрукі, я бязсільны, я бяз волі»—скардзіцца паэт.

А скольні нашых лепшых грамадзян, нашых песьнярау, нашых дзеячау, так сама гібелі па розных кутках расійскае дзяржавы-турмы! Прападалі марна таленты, гінуло маладое жыцціо, марнавaліся лепшыя силы...

Адною з добрых адзнакау нашага народнага характару іосьць яго гарачае каханне да роднага краю. Куда бы доля ні закінула беларуса,—іон усюды думае аб сваіой бацькаушчыні, сумуе аб яе нядолі і лятуціць думкамі аб яе шчаснай будучыні. Пакуль беларус жыве у сваім краі, пасярод сваіх людзей, альбо хоць і по-за межамі бацькаушчыны, але у кожны момэнт можа вярнуцца да яе,—дык вышэйпамянутая адзнака нашага характару выступае ні так прыкметна, трымаецца, так сказаць, у нормальных берагох. Але калі беларус пападае у чужы бок ні па сваіой волі, калі яму загароджана дарога да звароту у родны край, тагды каханне свае бацькаушчыны выліваецца у яго у формы правя рэлігійнага паклонения. Перабіраючы у думках сваю ранейшае жыцціо у родным краі, яму здаецца, што раней іон залішня мала шанавау свой край, учыняючы гэтым цяжкі праступак,—і тагды іон, як і наш песьняр, з болем і трывогай у соты раз будзе задаваць сабе пытанне:

Чаму з маленства, з ураджэнства,
У жыцціовы май
Ні умеу, як маці, шанаваці
Цябе, мой край?»

Гэтым каханнем і пашакай да роднага краю, думкамі і сумаваннем аб яго долі-нядолі напоунена уся кніжка. Другія тэмы мала зачэплены у зборніку. І у гэтым німа нічога дзіунага. Нічым іншым песьняр і ні мог цікавіцца, ні аб чым іншым ні мог і гаварыць. Бацькаушчына бачылася яму усюды, думка аб іой ніколі ні пакідала яго. Захочэ іон намалеваць сыбірскую восянь, пачне з таго, што яго акружае: як лес скідае свой зяліоны убор, як мядзьведзь шукае сабе мейсца на барлогу, як гусі і качкі лятуць на вырай,—і тут жэ яго думка бярэ іншы напрамак, усьлед за гусямі ляціць да роднага краю (стр. 29-30). Пачынаецца зіма, выпадае сьнег, дзьме вецяр і разам з-ветрам ляціць думка песьняра. Куды?.. У родную краіну.

«Па на горах сьнягі палеглі
І даліны убраліся у белі,
Мае-ж думкі, як толькі маглі,
Хутка з ветрам у даль паляцелі».

Сярэдзіна суровай зімы, калі навокала усіо жыцціо скована у ліод і засыпано сьнегам, нагапяе роспач на душу песьняра, і яму здаецца, што так будзе заусягды, што ніколі ні будзе перамены і што ніколі іон ні вырвецца э гэтаго мейсца:

Сьнягі, льды,
абрус жуды,
на заусягды,
на вечны час
ляглі...»

Пачынаецца вясна. Тае сьнег, робіцца цяплей, прылятаюць першыя гусі. І песьняр засыпае іх цэльнаю горбаю пытаньняу:

«Дзе былі вы? Што было там?
Дзе жылі вы? Над балотам?
Мо ля рэчкі? Мо ля хаткі?
Ля сялібы маго таткі?
Мае маткі, майго браткі
Вы ні бачылі часамі?
А сястрыцы, а дзявіцы,
Маей любы,
Вы ні бачылі часамі?
А у шлюбы
Ні зьбіраецца сястрыца?
Не?, А люба, чараўніца?..
Ці там мгліста,
Ці там ясна?
Красна? Міла?
Гусі! Шчасна?..»

Але на гэтыя трывожныя пытання ні магло быць адказу, і песьняр мусіу аставацца адзін са сваімі думкамі и сумаваньнямі. І так са дня на дзень, і у восянь, і у зіму, і у весну, і у лето, з года у год...

Іосьць у зборніку і некольки прыгожых малюнкау беларускай прыроды, як напрыклад верш «У прыпар» (стр. 79), гдзе самы тэмп гутаркі стасуецца да тэмпу перадаваемых падзей. Ні выпісваю тут з яго адрыукау толькі затым, што яго ні можна разбіць на кавалкі, ні сапсаваушы едзінства уражэння, і прышлося-б выпісаць яго цалкам.

Так сама прыгожа пярэданы некольки бытавых сцэнак беларускага гаротнага жыцця. Асабліває уражэнне з іх спраўляе верш пад назваю «Жабрачка», умешчаны на ст. 94. Тут аутар так сама паказау, што іон іосьць поуным гаспадаром формы і рытму. У поунай згодзі з сумнымі падзеямі, апавядаемымі у вершу, стаіць яго нудны, зьвяглівы, чыста жабрацкі тон. Пачнеце вы чытаць гэты верш, і перад вами, як жывая, устане старая, згорбленая бабуня з торбаю за плячами; яна выцягвае да вас руку за надаянем і сьлязлівым, плачучым тонам апавядае пра сваю гаротнае жыццё:

«Ой, мае дзетачкі, Бог мяне грэшную
Пэуня за бацькаускі грэх пакарау,
Крыуду учыніу па згон веку няуцешную,
Чым надарыу, адабрау».

У кніжцы знайшлі сабе мейсцэ і некольки старых беларускіх паданняу то жартауліваго, то трагічнаго зьместу.

Звычайная тэма другіх паэтау — каханне—карыстаецца у нашаго песьняра малою прыхільнасьцяй: яму адведзено ні шмат і пры том малахарактэрных вершау.

Мімаходам зачэплено і агульна-людзкое, усесьветнае пытанне аб зьмені пануючага цапер зла дабром у будучыні. Паэт прызнаецца, што яму «сэрцэ кроіцца ад крыуды нашых дзіон»; але разам с тым іон ні верыць у блізкі прыход царства праўды.

«Дык вочы выесьць нам салонная раса,
І покуль першы дзень людзкого шчасьця
прыйдзе,
Мільіоны сэрц праткне гароты злой каса»

пішэ песьняр. Але пяясная надзея ні пакідала яго у самыя найцяжшыя часы засланія. У дзень Нараджэння Хрыста іон пішэ:

«Хрыстос нарадзіуся! Хрыстос нарадзіуся!
Сьпеваюць у небі Анелі:
Збавіцель для сьвету на сьвэці зьявіуся,
Збавіцель, якога ні мелі.

. . . .

«Хрыстос нарадзіуся!» *Не, хіба што дудзе Яго нараджэнне.* Мы знаем,
Яго дачакаюцца іншыя людзі,—
Ні мы дачакаем».

Такім парадкам, мы бачым, што агульны настрой кніжкі вельмі сумны і даволі аднаабразны. На усюм віднеецца адбітак нуды, пачуцця свае бязсільнасьці, пакінутасьці... Іначай яно і-быць ні магло. Ні ад песьняра гэто залежыць, але ад той злой долі, што цяжкім каменем вісіць над усіою Беларусяй і нішчыць усе проблескі здаровага і шчасьлівага.

Адзін значны плюс маецца у нашага песьняра: **іон цалкам самабытны;** перагартаушы усю кніжку, вы нігдзе ні знайдзеце сьлядоу чужых уплывау. Паэт ідзе сваіой асобнай дарогай. Пачуваньня у яго сьвежыя, моцныя і захапляючыя. Ці добра, ці кепска іон пішэ, але заусягды **па свойму.** Гэта дае нам права шмат яшчэ чакаць ад яго. Пажадаем жэ, каб гэтая кніжка ні засталася у адзіноці, каб за іою пасьледавалі і другія.

Павал Любецкі.

РУСКА-БЕЛАРУСКІ СЛОУНІК. БРАТЫ М. а Г. ГАРЭЦКІЯ.

Смаленск, 1918.

Небольшая книжечка, 108 страниц малого формата, заключает не больше 4000 слов. Это очень мало для словаря, даже маленького, так как авторы почему-то помещали, не главнейшие корнесловы, а самые редкие, местные слова, применяясь к говору не общебелорусскому, белорусского центра (Борисов—Игумен—Минск), а к говору захолустных панско-польских усадеб Мстиславльского уезда.

Цель авторов—дать «жменю цікавейшых слоу», для тех, кто, зная русский язык, пожелал бы заняться языком белорусским. Почтенная задача эта едва ли может быть даже намечена (не говорю—достигнута), раз опущены главнейшие корни (видеть, ведать, жить, знать, крепкий и т. д., вплоть до—есть, ехать). Но и это—не главный недостаток «Слоуніка».

С легкой руки г.г. Власовых уже десять лет идет усиленная полонизация белорусского языка (собственно—наречия). Радетели нашей родины, при составлении новых слов, ищут оснований не в древнем западно-русском языке грамот и актов Литовско-Русского государства, не черпают из безконечной сокровищницы русского чудного языка, а почему-то все более и более заимствуют из запасов панских дворов, из испорченного польского говора охмистрынь, экономов, ловчих и вообще челяди, панков и панов нашей родины, давным-давно отрекшихся от своего белорусского корня и, в случае выгоды, называющих себя «белоруссами польской культуры».

Это полонофильское течение нашло в словаре Горецких широкое применение. Откроем любую страницу и мы увидим, что авторы все время смешивают белорусское наречие с польским языком: стр. 39: ладкі, пакаевы, лагоднасьць, штрыхвель, лядоуня, хвэбра, завінуцца, твар, пачвара, или стр. 60: картуваць,ператлумачыць, перніца, парэнджы, пярсьценык, стрыката, пяколак, піуніца, балеваньня, банкет, выхаванец, ежа, плынь...

Мы дали образцы порчи белорусского языка внедрением польщизны. Но авторы идут дальше,—они собрали такие слова, что редкий белорусс их поймет: абузна, ваурэць, кушачка, амбітка, пыні, бусайла, дэтаноука и т. п.

Не говорим о неудачном фонетическом правописании, отодвигающем белорусский язык и от живой речи, и от русского корня. Даже русские слова в словаре Горецких для многих русских будут едва-ли понятны: веретенце, прадева, возгривец, драхва (дрофа?), делечество, засохлый (засохший ?), зауздать (взнуздать ?), защелка, избежание, искос, лепеха, навой, своясп, угождатель., целение...

Горячо приветствуя всякую работу по белоруссоведению, пожелаем авторам отрешиться от ополяченного языка Янка Купалы (особенно в его переводах из Мицкевича) и, если они дадут «слоунік кішэнны беларуска-рускі», пусть они смело и определенно отбросят присосавшуюся к нашему родному белорусскому говору польскую «каросту». Наша фонетическая ориентация—на восток, а не на запад, к славянству, а не к неметчине, от которой поляки заимствовали такую массу технических названий.

А—ч.

НОВОСТИ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Выдано у зарубежнай Беларусі:

Р. К.

Новы лементар. Я. Станкевіча. (гражданкаю і лацінкаю) . . . . — 30
Першае чытаньне (гражд. і лацінк.) — 6
Гасьцінец для малых дзетак . . . — 5
Другое чытанне . . . . — 20
Задачнік для пачатковых школау, год I (гражд. і лац.) . . . . — 15
Задачнік для пачатковых школау, год II і III (гражд. і лац.) . — 40
Першая чытанка (гражд. і лац.) . — 25
Родныя зерняты. Кніжка да школьнага чытання. год II і III (лац.) — 85
Як правільна пісаць па беларуску (лац.) . . . . — 10

ФЭН.

Беларускі правапіс. А. Луцкевіч і Я. Станкевіч. Выд. Бел. Кам. Друкарня М. Кухты. 1918 (гражд. і лац.) 50
Просты способ стацца у кароткім часе граматным. Напісалі проф. д-р Рудольф Абіхт у Брэславі і Янка Станкевіч у Вільні. Друкам выдау д-р Фэлікс Прібач. Брэслау 1918 г. (лац.) —
Бутрым Няміра, усцэнізаваная легенда у 2-х актах з прологам. Ф. Олехновіча (гражд.) . . . 50
Каліcь, драмат. абр. у 2-х актах. Ф. Олехновіча (гражд.) . . . 50
Вазылішк, казка у 3-х актах. Ф. Олехновіча Выд. А. Луцкевіча. Друк. Кухты. Вільня 1918 г. (гражд.) 50
Аб трусох. Напісау В. Грынеускі. Выд. Бел. Кам. Друк. М. Кухты 1918 (лац.) 30
Беларускі Календар на 1917 г. (лац.) —
» » 1918 г. (лац.) —

Р. К.

Дзіцячая Чытанка. Выд. «Вольнае Беларусі». Менск. 1918 г. (гражд.) . . . . — 50
Матчын дар. Алеся Гаруна. Думкі і песні 1907—1914. Выд. Бел. Нар. Сэкр. Менск. 1918 г. Друк. Я. Грынблята . . . . 2 —
Страницы изъ исторіи Бѣлорусскаго Національно - политическаго движенія. А. Цвикевича. Кіевъ. 1918 г. . . . . . — 75

Выпісы з Беларускай Літэратуры. В. Ластоускаго. Вільня 1917 г. (школ. выд.)

Нашы песьняры. В. Ластоускаго. Вільня 1917 г. (школ. выданне).

Беларускіе легенды. Вільня.

Экономічная эволюція і беларускі рух. А. Луцкевіча. Вільня.

I і II адкрытае пісьмо Казіміра Шафнагеля «Да нашай Краіовай інтэлігэнцыі». Вільня.

Хто мы гэткі? Вільня.

Што трэба ведаць кождаму беларусу? Выдавецтво В. Ластоускаго. Вільня 1918 года (лацінкаю).

Сейбіт. Другая, пасьля лементара, чытанка для пачатковых школ. Злажыу і выдау В. Ластоускі. Вільня 1918 г. (лацінк.) —75 к.

На прызбе. Янка Быліна. Выдавецтво В. Ластоскага. Вільня 1918 г. (лац)—25 коп.

Сымон Музыка. Якуба Коласа. Ч. I—III. Выданне «Вольнае Беларусі». Менск, 1918 г.—1 р. 50 к.

Выдано у Расіі:

Р. К.

Этнографическая карта Бѣлорусскаго племени. Ордин. акад. Е. Ф. Карскаго. Изд. Бѣлор. Обл. Ком. при Всерос. Сов. Кр. Деп. Петрогр. 1918 г. (съ объяснит. текстомъ) 1 50
То же (но безъ объяснит. текста) 1 —
Бѣлорусская Рѣчь. Орд. ак. Е. Ф. Карскаго. Изд. Бѣл. Обл. Ком. при Всер. Сов. Кр. Деп. Петрогр. 1918 г. 2 50
Радавая рэспубліка. Кія. Переклад Неманскаго. Выд. Бел. Нац. Каміс. Москва. 1918 г. (гражд.) — 15
Восім гадзін працы. Палуботка. Перакл. Ч. Р—ча. Выд. Бел. Нац. Каміс. Масква. 1918г. . — 40
Павукі і мухі. Лібкнехта. Перакл. Л. Жорсткаго. Выд. Бел. Нац. Кам. Масква. 1918 г. . . . — 20
Руска-Беларускі Слоунік. Браты М. а Г. Гарэцкія. Выдау М. Гарэцкі. Смаленск. 1918 г. . 2 50

Хто чым жыве. Дыкштэйн. Пєравярнуу з расейскаго Змітро Капылянін. Выд. Бел. Нац. Кам. Масква 1918 г. (гражд.)—50 к.

Беларускія часопісі:

У Вільні: «Гоман», друкуецца па беларуску; два выданьня — адно гражданкаю, другое лацінкаю; выходзіць два разы на тыдзень.

У Мінску: «Беларускі Шлях», друкуецца па беларуску, гражданкаю; выходзіць штодзенна.

«Вольная Беларусь», друкуецца па беларуску, гражданкаю, выходзіць раз на тыдзень.

«Крыніца», друкуецца па беларуску, лацінкаю, выходзіць два разы на месяц.

У Кіеві: «Бѣлорусское Эхо», друкуецца па беларуску і па расійску, гражданкаю, выходзіць раз на тыдзень.

У Маскве: «Дзянніца», друкуецца па беларуску і па расійску, гражданкаю, выходзіць раз на тыдзень.

У Петраградзі: «Чырвоны Шлях», друкуецца па беларуску і па расійску, гражданкаю, выходзіць два разы на месяц.

УСТАВ

Белорусского Вольно-Экономического Общества в Петрограде.

1. Задачи Общества.

§ 1. Белорусское Вольно-Экономическое Общество, об'единяя все научные, художественные и вообще культурные силы Белоруссии и лиц, интересующихся ее изучением, своими задачами имеет:

а) всестороннее изучение Белоруссии в ее прошлом и настоящем;

б) поднятие уровня общей культуры и экономического благосостояния белорусского народа;

в) содействие разрешению очередных вопросов просвещения;

г) учреждение промышленных предприятий, фабрик, белорусских кооперативов и т. п.

Деятельность Общества.

§ 2. Для достижения указанных задач Общество:

а) устраивает заседания и собрания (закрытые и публичные), с'езды, курсы, лекции, концерты, экскурсии, выставки и т. п.;

б) собирает и научно обрабатывает данные о Белоруссии;

в) заботится и содействует об открытии белорусских учебных заведений и научных институтов, лабораторий, музеев, библиотек, театров и т. п.;

г) выпускает периодические, научные и литературные издания, и сочинения и распространяет их, собирает сведения о деятельности аналогичных обществ в России и заграницей и входит с ними в деятельные сношения;

д) способствует возникновению отделений общества, а равно и аналогичных обществ вне Петрограда;

е) образует, по мере надобности, отделы и комиссии по специальным вопросам и вообще всемерно стремится к осуществлению поставленных себе задач.

3. Права Общества.

§ 3. Общество является юридическим лицом и пользуется всеми правами такового.

4. Члены Общества, их права и обязанности.

§ 4. Членами Общества могут быть лица обоего пола, достигшие 18-летнего возраста:

а) все белоруссы, работающие на разных поприщах труда, науки, литературы и искусства;

б) лица, занимающиеся или интересующиеся изучением Белоруссии.

§ 5. Лица, желающие вступить в число членов Общества, заявляют о своем желании Правлению Общества, в письменной форме, с приложением рекомендации двух членов Общества. Прием членов производится Правлением.

Примечание. Учредители Общества вступают в число членов непосредственно.

§ 6. Члены Общества, ежегодно уплачивают членский взнос в размере 10 рублей. Лицо, неуплатившее членского взноса в течении 4-х месяцев, считается выбывшим из Общества, но принимается вновь без баллотировки, по уплате причитающейся с него суммы.

§ 7. Исключение членов Общества может последовать лишь вследствие решения общего собрания, по письменному мотивированному заявлению, представленному в Правление, за подписью не менее, чем пяти членов.

5. Управление делами Общества.

§ 8. Делами Общества управляет:

а) Общее собрание;

б) Правление, находящееся в Петрограде.

§ 9. Общие собрания членов Общества бывают очередные и чрезвычайные. Очередные собрания бывают не менее 4 раз в год, в сроки, определяемые Правлением. Чрезвычайные собрания созываются по мере надобности Правлением или по заявлению $^1/_5$ части членов Общества. В последнем случае, Правление созывает общее собрание в 2-х недельный срок со дня поступления заявления.

§ 10. Предметами занятий общих собраний являются:

а) чтение и обсуждение докладов, имеющих отношение к задачам Общества, рассмотрение предложений Правления и отдельных членов Общества и обсуждение всяких вопросов, вытекающих из деятельности Общества;

б) рассмотрение и утверждение отчетов и докладов Правления и Ревизионной Комиссии, а также сметы Общества;

в) избрание членов Правления, Ревизионной Комиссии, а равно и других органов, если таковые будут учреждены;

г) изменение устава Общества;

д) исключение членов Общества;

е) утверждение инструкции для отделов и местных отделений Общества;

ж) рассмотрение и утверждение предложений, вносимых в общее собрание Правления по его усмотрению или требованию ревизионной Комиссии или членов Общества (§ 9).

з) постановления о закрытии Общества или его отделений, о ликвидации имущества и избрании Ликвидационной Комиссии;

и) все вообще, превышающие власть Правления и данные ему общим собранием полномочия.

§ 11. Общее собрание признается состоявшимся при наличности не менее $^1/_4$ части явившихся членов. В случае неприбытия достаточного числа членов созывается, не ранее семи дней, новое собрание для решения вопросов, назначавшихся к рассмотрению в несостоявшемся собрании, вторичное собрание считается состоявшимся при всяком числе прибывших членов.

§ 12. Общее собрание открывается Председателем Правления и начинается избранием Председателя и Секретаря данного собрания. Дела решаются простым большинством голосов. Для решения вопроса под литерами «г», «д» параграфа 10 и равно параграфов 19 и 20, требуется большинство в три четверти голосов, присутствующих на собрании членов Общества.

§ 13. Общее собрание руководит всею деятельностью Общества.

§ 14. Общее собрание избирает ежегодно Правление, в составе 5 членов и 2 кандидатов к ним.

§ 15. Члены Правления из своей среды избирают Председателя, его товарища, Секретаря и казначея Общества.

§ 16. Правление является законным представителем Общества по всем делам и сношениям, действуя через своих членов или особо уполномоченных лиц.

§ 17. На обязанности Правления лежит управление всеми делами в пределах его устава и постановлений вообще, и в частности:

а) выборы членов Общества, выборы членов, заведывающих отдельными отраслями подведомственных Обществу дел, приглашение и увольнение всех служащих в Обществе лиц;

б) заведывание, хранение и управление принадлежащим Обществу имуществом, совершение юридических актов и сделок;

в) ведение денежной отчетности, представление в общее собрание отчетов о деятеельности Общества и Правления;

г) исполнение постановлений общего собрания,

д) созыв общих собраний, подготовление материалов и установление предметов их занятий;

§ 18. Заседания Правления созываются Председателем или его товарищем, по мере надобности, и считаются действительными при наличии трех членов, в том числе и председательствующего.

§ 19. Для поверки отчета Правления, кассы и имущества Общества, общее собрание избирает ежегодно Ревизионную Комиссию в составе 3-х человек и 1-го кандидата к ним.

6. Средства и имущества Общества.

§ 20. Средства Общества составляются.

а) из ежегодных и единовременных членских взносов.

б) из доходов от изданий Общества, сборов от устройства лекций, концертов, спектаклей и т. п.;

в) из государственных средств, ассигнуемых Обществу на развитие его деятельности.

7. Закрытие и ликвидация Общества:

§ 21. В случае необходимости закрытия Общества, таковое производится по постановлению большинства, не менее двух третей голосов членов, специально созванного ликвидационного общего собрания, для действительности которого требуется наличность не менее половины членов Общества.

§ 22. Это собрание избирает из своей среды Ликвидационную Комиссию, которой и поручается процесс ликвидации, с тем, однако, чтобы все имущество и суммы Общества были переданы наиболее отвечающему деятельности Общества учреждению в Белоруссии.

КЪ БѢЛОРУССКИМЪ ДѢЯТЕЛЯМЪ И ДѢЯТЕЛЯМЪ ИЗЪ БѢЛОРУССІИ.

На мой призывъ въ № 9, «Дзянніцы» откликнулся цѣлый рядъ общественныхъ, политическихъ и литературныхъ дѣятелей Бѣлоруссіи. Идею созданія автобіографическаго бѣлорусскаго словаря привѣтствуютъ всѣ. Меня спрашиваютъ, что писать въ автобіографіи о себѣ. Къ сожалѣнію, я не всегда буду исправнымъ въ своихъ отвѣтахъ, по многимъ причинамъ. Ниже помѣщаю перечень вопросовъ, на которые желательно получить отвѣты. Въ письмахъ неуклонно меня спрашиваютъ: удобно-ли сообщать о себѣ свѣдѣнія, т. к. данное лицо мало извѣстно и мало потрудилось на нивѣ бѣлорусской культуры. На это я позволю себѣ отвѣтить, что Бѣлоруссія, вообще слабая своими культурными силами, будетъ благодарна самому заурядному своему работнику, поэтому я призываю бѣлоруссовъ къ преодолѣнію своей классической скромности, всегда служившей большимъ тормозомъ въ развитіи исторической личности въ нашемъ племени. Вотъ программа автобіографіи: 1) имя, отчество и фамилія, 2) годъ, мѣсяцъ и число рожденія, 3) мѣсто рожденія, 4) кто были родители, 5) вѣроисповѣданіе, 6) краткая исторія рода; главнымъ образомъ, были-ли въ родѣ выдающіеся въ какомъ-либо отношеніи люди, 7) ходъ воспитанія и образованія; подъ какими умственными и общественными вліяніями оно происходило, 8) начало и ходъ дѣятельности (политической, общественной, литературной, театральной, художественной и т. п.), 9) замѣчательныя событія жизни.

Для литературныхъ работниковъ дополнительные вопросы: 1) перечень всего написаннаго или переведеннаго, 2) перечень рецензій и отзывовъ о произведеніяхъ съ обозначеніемъ № и года період. изданія, гдѣ эти отзывы появились, 3) сообщить свои псевдонимы, 4) прислать всѣ свои произведенія, какъ печатныя, такъ и рукописныя.

Всѣхъ дѣятелей убѣдительно прошу прислать свои автобіографіи возможно скорѣе, приложивъ собственную фотографическую карточку. Вмѣстѣ съ тѣмъ просятъ называть фамиліи и адреса тѣхъ дѣятелей, къ кому желательно обратиться съ подобною просьбою. Адресовать на мое имя: Петроградъ, Б. Разночинная ул., д. 19-б, кв. 19. Евсевію Степановичу Канчеру.

Ответственный Редактор: **Редакционная Коллегия.**

Издатель: **Белорусский Отдел Комиссариата по делам национальностей Союза Коммун Северной Области.**

ИЗВЕЩЕНИЕ.

В начале октября при Белорусском Отделе Комиссариата по национальным делам С. К. С. О. открывается Правительственная Белорусская школа средней ступени (гимназия) в составе четырех классов. Преподавание на русском языке, по программе правительственных гимназий, с обращением особого внимания на изучение истории географии и этнографии Белоруссии, а также белорусскаго языка.

Обучение безплатное, снабжение учебниками и учебными пособиями. Сверх того Белорусским Отделом будет обращено самое серьезное винмание на материальное обезпечение совершенно неимущих учащихся.

Прошения принимаются в Белорусском Отделе Комиссариата по делам национальностей комната № 2 (Театральная, д. 1—3) ежедневно от 11 утра до 4-х час. дня, кроме праздничных дней, у письмоводителя школы Е. А. Филиппенко.

К прошению должны быть приложены следующие документы:

1) Метрическое свидетельство.

2) Медицинское свидетельство о состоянии здоровья и об оспопривитии.

3) Свидетельство об образовании, если таковое имеется.

Зав. Белорусским Отделом Комиссариата по делам национальностей С. К. С. О.

Г. Ковшило.

За Секретаря **Порошина.**

ИЗВЕЩЕНИЕ.

В целях подготовки культурных работников из пролетарской белорусской среды, Белорусский Отдел Комиссариата по национальным делам С. К. С. О. в начале октября открывает Белорусскую рабочую школу.

Школа разделяется на три группы (по степени подготовки учащихся) с пятью классами.

В школе будут преподаваться предметы общеобразовательные, профессиональные и искусства и физическое развитие.

Сверх того, для учащихся 3-ей группы вводится преподавание (теоретическое и практическое) ораторскаго искусства.

Занятия в школе вечерние и дневные, лекционные и классные, со взрослыми и детьми.

Школа открывается лекционными занятиями 6-го октября в помещении «Общества любителей Белорусскаго народнаго искусства» (Петергофское шоссе, д. 26).

Запись для классных занятий производится там же у секретаря школы, ежедневно от 10 до 4 ч. дня.

Заведующий Белорусским Отделом Комиссариата по делам национальностей Союза Коммун Северной Области

Г. Ковшило.

За Секретаря **Порошина.**

Печатаются и в ближайшее время выйдут в свет следующие книги в издательстве Б. Н. К.

I. Ев. Ст. Канчер. Классовая, национальная и религиозная борьба в Белоруссии.

Вып. 1: Территория Белоруссии; население; классовый состав. Около 50 стр. печати.

Вып. 2: Религиозное движение и борьба христианских церквей; национальная и экономическая борьба. Около 50 стр.

Вып. 3: Политическия партии и национальныя организации Белоруссии. Политическая борьба и ориентации. Около 50 стр.

Все три выпуска будут обнимать краткий очерк структуры и динамики Белорусского общества с древнейших времен до наших дней.

II. Ев. Ст. Канчер. Из истории общественных национальных и революционных движений Белоруссов:

Часть II: История возникновения и дѣятельности организаций.

Вып. 1: Белорусский Областной Комитет. I-й Всебелорусский С'езд.

Вып. 2: Центральная Войсковая Белорусская Рада.—Прочие военные организации. — Постановления военных с'ездов.

Вып. 3: Социалистические партии. — Конференции и с'езды.

Вып. 4: Народные белорусские организации на национально-политической Платформе.

Вып. 5: Культурно-Просветительные организации.

Вып. 6: Белорусский Национальный Комиссариат и его разветвления.

Каждый выпуск будет обнимать около 50 стр. В I часть труда «Из истории общественных, национальных и революционных движений Белоруссов» войдет общий обзор и критика движений, который начнется печатанием после выхода в свет всей II части.

III. Дм. Мих. Соболевский. Белоруссы и Белоруссия.

1. Место белоруссов в славянской семье.
2. Границы распространения белорусскаго племени.
3. Белорусское наречие, его характерные особенности и его самостоятельность.
4. Орография Белоруссии.
5. Почва и климат Белоруссии.
6. Фауна и флора Белоруссии.
7. Быт и культура Белоруссии.
8. Исторический обзор Белорусской жизни:

а) Период самостоятельного существования белорусского племени (удельно-вечевые княжества X—XII веков).

б) Период Белорусско-Литовского государства.

в) Период Белорусско-Польско-Литовского государства.

г) Период общерусский.

9. Последние этапы Белорусского национального, революционного и общественного движения.

14-я Госуд. Типография, Петроградъ, Иван. 14.